

Семён Койфман

Моя память

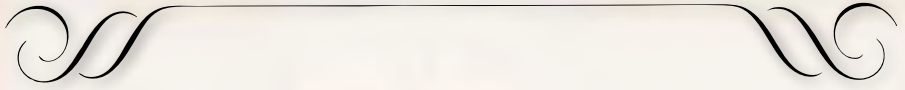
**Авторские права охраняются законом.
Перепечатка материалов возможна
только с ссылкой на издание и автора.
© Койфман Семён, 2013.**

**Издание оформлено и отпечатано
студией E&E Design
www.eande-design.co.il, 054-5987918
Израиль 2013.**

Семён Койфман
МОЯ ПАМЯТЬ

Койфман Семён, март 2007 год.

Койфман Светлана, моя жена, март 2007 год.

Краткое содержание.

Введение.

Часть 1. - Моя семья и катастрофа.

Часть 2. - Наши корни.

Часть 3. - Первый год в Израиле.

Введение.

После того, когда три мои работы появились на двух сайтах, у меня появилась тщеславная мысль, издать книгу. То есть, объединить, эти три совершенно, не связанные между собой работы в одно целое, то есть в книгу. Правда, эти работы объединяет лишь то, что они написаны одним и тем же автором, и у всех этих работ, одна и та же цель.

Это напоминать, и ещё раз напоминать родным и близким об ушедших от нас бабушек, дедушек и родителей.

Работая, над первой частью своей книги "Моя память", я нашёл в интернете большую статью "Воспоминания о жизни в Бессарабии под румынами". И самое интересное, что эту статью написал мой школьный товарищ Лёва Бакал, который тоже родился в Бричанах и прошёл ужасы гетто. Лёва Бакал дружил с Гришей Вельтманом, они оба учились на класс старше меня. В моём семейном альбоме, сохранилась фотография, где они сняты вдвоём около калитки Бричанского парка.

Он закончил заочно, отделение факультета журналистики Киевского Университета.

В последнее время он работал ответственным секретарём в газете "Вечерний Кишинёв".

В своё введение я хочу внести некоторые данные из его статьи.

До войны в Бричанах проживало около десяти тысяч евреев. До вторжения фашистов, из Бричан вглубь страны успело эвакуироваться 100- 120 еврейских семей.

Ещё 100 семей, так называемых кулаков и неблагонадёжных, чекисты вывезли в Сибирь в конце мая и в начале июня 1941 года.

Если бы они только знали, что они спасли этих людей от верной гибели в фашистских гетто.

А всё остальное еврейское население Бричан осталось в своих домах, за что горько потом поплатилось.

Кроме замученных и расстрелянных мирных граждан, было арестовано и угнано в гетто: из местечка Бричаны и села Гриманкауцы-9500 человек.

Из числа угнанных в концлагеря и гетто, после освобождения от немецко-румынских захватчиков, вернулось обратно в Бричаны всего 1500 человек. То есть вернулись назад домой, лишь каждый шестой живший здесь еврей.

А вообще, по разным оценкам, на всей территории Молдавии, жертвами фашистского геноцида стали от 280 тысяч до 400 тысяч евреев.

После этих данных, которые я внёс, будет понятней судьба одной еврейской семьи во времена геноцида, которую я описал в своей первой части книги "Моя семья и катастрофа".

Вторая часть моей книги "Наши корни" – это дань памяти ушедшим родным и близким.

Большую часть этого раздела я посвятил нашему любимому отцу и дедушке.

Этот достойный человек был эталоном преданности нашей матери и всей нашей семье.

И, наконец, третья часть книги это о первом годе жизни в нашей стране. Какой он, у кого был, зачем и почему мы приехали в Израиль. Первые трудности, первые впечатления от людей, от природы, от климата, от моря и от многого другого.

В этой последней части моей книги "Первый год в Израиле", я постарался описать все значительные события, которые произошли с моей семьёй и со всеми моими родственниками за первый год жизни в Израиле.

Часть 1. Моя семья и катастрофа.

Оглавление.

Глава 1. Предвоенные годы.

Глава 2. Оккупанты в Бричанах.

Глава 3. Смерть по дороге в гетто.

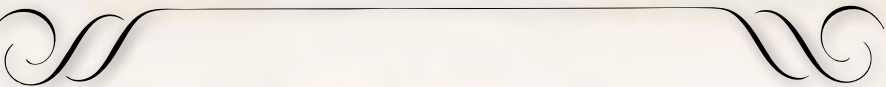
Глава 4. Гетто в Поповцах.

Глава 5. Капля добра в страшное время.

Глава 6. Долгожданное освобождение.

Вместо эпилога.

Глава 1. Предвоенные годы.

Моя мать родилась и выросла в Бричанах, там же, она окончила четыре класса гимназии, поэтому могла устроиться работать секретаршей в местной примарии.

А мой отец, родился и вырос в селе Василеуцы, Сокирянского района. Там же он окончил школу, но был образованным и интеллигентным человеком.

В предвоенные годы, по немногочисленным рассказам, своих родственников, и как можно судить по оставшимся фотографиям, евреям жилось в Румынии терпимо. Возможно, экономически жить было трудно, но в остальном, особенно не притесняли.

Я родился 20.05.1938г. в Бричанах, тогда это была Румыния. Правда, после гетто и войны, мать, как-то мне говорила, что я родился раньше на год, но по каким-то причинам, меня записали моложе. Я до сих пор не знаю, когда же праздновать мой день рождения. Родители, меня родили, когда им было уже под тридцать, видно потому, что тогда поздно выходили замуж.

**На этой фотографии, папа, мама и я,
и мне всего лишь три месяца. 20.08.1938г., Бричаны.**

Ровно за год до начала войны, то есть 28.06.1940г., Бессарабию заняла Красная Армия Советского Союза.

Многие евреи, думали, что теперь-то будет, кому их защитить от проклятых фашистов. Но через десять месяцев началась операция раскулачивания. Зажиточные семьи, в большинстве случаев ночью, сажали в машины и вывозили на железнодорожную станцию, где для них уже были приготовлены вагоны-теплушки. Также забрали мою родственницу Валу Ботушанскую, со всей её семьёй. Сталинское руководство, в то время, не понимало, что многим этим людям, они этим спасли жизнь

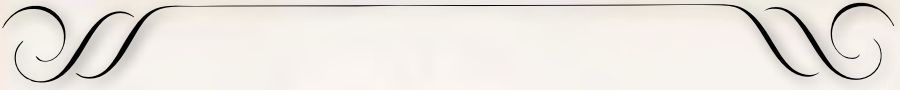
В это время я жил со своими родителями в новом доме, который построил дедушка, перед самой войной, для всей семьи. Мне рассказывала мама, что этот дом находился недалеко от базара.

В этом доме проживали, кроме меня и моих родителей, бабушка и дедушка со стороны матери.

**На этой фотографии, снова, папа и мама со мной,
но мне уже 2 годика и 2 месяца.
Июль 1940 год, Бричаны.**

Еврейское население, городка Бричаны, и вместе с ними мои родители, которые сфотографировались вместе со мной, в июле 1940 года, даже в самом страшном сне, не могли предугадать, что с ними будет ровно через год.

Глава 2. Оккупанты, в Бричанах.

Война началась 22.06.1941 года, а в Бричаны, немецкие и румынские войска вошли 6 июля 1941 года.

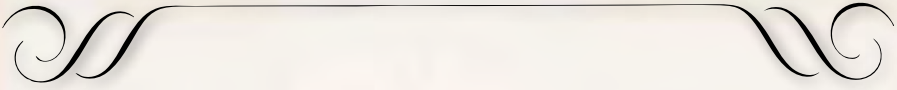
В местечке, сразу начались погромы. Грабили магазины, дома зажиточных людей, а также избивали всех евреев, которые им попадались по дороге. Этим занимались немалое количество местных жителей, и крестьяне из близлежащих сёл.

Всем евреям, сразу приказали нашить на одежду жёлтые звёзды, и запретили выходить на улицу, во второй половине дня.

Через несколько дней немцы ушли дальше на восток, а в городке остались только румыны.

Иногда удавалось, моему отцу и дедушке, тайком выбираться в ближайшее село Гриманкауцы. Там они заходили в дома знакомых крестьян и меняли, оставшиеся вещи на еду.

Итак, продолжалось около двух месяцев, но мы пока оставались в своём доме и самые страшные беды ждали нас впереди.

Глава 3. Смерть по дороге в гетто.

В начале сентября, оставшихся евреев собрали около синагоги, в том числе и мою семью, и погнали в сторону Днестра.

Мне было в то время 3 года и 4 месяца, гнали нас долго, сначала по Бессарабии, а потом по Украине.

Ночевали в сараях, конюшнях, а иногда просто в поле, около сёл, так как внутри села нам не разрешали входить.

По дороге на Сокиряны, на каком этапе, к нашей семье, присоединились мать отца, Чарна, его старший брат Реувен, а также жена и сынишка младшего брата отца Мэхла.

Всех вместе нас было 9 человек:

Отец - Койфман Исаак Ушерович, 1908 г.р.

Мать - Койфман Этя Иосифовна, 1908 г.р.

Сын - Койфман Семён Исаакович, 1938 г.р.

Дедушка - Букштейн Хайм-Иосеф, 1879 г.р.
(со стороны матери)

Бабушка - Букштейн Малка, 1881 г.р.
(со стороны матери)

Бабушка - Койфман (Вайсенберг) Чарна
(со стороны отца)

Старший брат отца - Койфман Реувен, 1906 г. р.

Жена младшего брата Мэхла - Койфман Юта.

Маленький сынишка Мэхла и Юты.

Меня и маленького сынишку дяди Мэхла и Юты, все взрослые, носили по очереди на руках. Только один раз, моим родителям разрешили посадить нас на телегу, и мне рассказала мама, что в это время подошел румын к телеге и дал нам яблоко на двоих.

В какой то момент старшего брата отца Ривена, вместе с другими мужчинами, увели из нашей колонны, и больше мы его не видели. Потом, после войны, мы узнали от человека, который сумел выжить, что их завели в Косоуцкий лес, где ночью их заставили вырыть яму и всех их расстреляли. Яму засыпали, не обращая внимания на то, что в ней остались живые и раненые. Крестьяне из окрестных сёл, рассказывали, что после этого, земля ещё долго шевелилась.

Всё это произошло в Косоуцком лесу в середине сентября 1941 года.

Когда бабушка Чарна присоединилась к нашей колонне, она себя уже очень плохо чувствовала. Мой отец, всё время был рядом с ней, помогая ей передвигаться. Но так как, не было ни врачей, ни лекарств, ей становилось всё хуже и хуже. Жандармы, которые сопровождали колонну, уже не раз кричали на отца и мать, чтобы они не отставали и двигались быстрее. Отец попросил жандармов, чтобы её посадили на телегу, потому, что она тяжелобольная. Они ответили, что они сейчас отправят её в рай и там ей будет совсем хорошо.

Двое жандармов вывели её из колонны и отвели, недалеко в поле и расстреляли её на глазах у всех.

Это было недалеко от Ямполья, в конце сентября 1941 года.

Глава 4. Гетто в Поповцах.

Где-то в первой половине октября 1941 года, нашу семью и других евреев, пригнали в село Поповцы, где уже было создано гетто.

В гетто в Поповцах, мы пробыли два с половиной года.

Село Поповцы, находилось в Копайгородском районе (сейчас район переименован), Винницкой области на Украине.

Нас подселили в помещение, где уже находилась одна семья.

Приближалась зима, а вместе с ней и холода, а комната, где мы разместились, продувалась насквозь. Кроме холода, нас всех, особенно детей мучил голод. Мы все, очень часто болели, но, несмотря на болезни, отец и дедушка искали любую работу, чтобы принести немного еды в семью.

Но, так как у нас, никогда не хватало еды, то отец и дедушка брали иногда и меня с собой. Мы ходили в соседние сёла разбрасывать навоз, на огородах у крестьян. В конце работы нас кормили и немного еды давали с собой, чтобы принести домой, для остальных.

С самого начала, когда нас пригнали в гетто, начал болеть сынишка Юты, он был очень слабенький. Сама, Юта чувствовала себя тоже очень плохо.

В начале декабря, сынишка Юты заболел тифом и через пару дней умер. А через две недели, в середине декабря 1941 года, также от тифа умерла Юта, жена младшего брата отца, Мэхла.

К большому сожалению, у меня нет фотографий, ни Юты, ни её сынишки.

Начался 1942-ой год, и вместе с ним продолжились наши мучения и страдания.

В нашей семье, следующей заболела тифом бабушка Малка.

С тех пор, как нас пригнали в гетто, она промучилась с нами, около четырёх месяцев. Но ни разу, никто от неё не услышал ни стона, ни жалоб. Наоборот, она старалась всех утешить и пробовала варить нам из картофельной кожеры и крапивы супы.

И, очень часто, получалось, что-то съедобное.

Но в начале февраля 1942 года, наша бабушка, Малка, умерла также от тифа. Тиф в то время косил всех, подряд.

Мой отец с дедушкой, продолжали искать любую работу, чтобы

принести в семью, какие-то продукты и не умереть с голода.

Они нанимались к крестьянам на любую работу, которая нужна была им.

Но наш дедушка, всё больше слабел от недоедания и истощения.

В июне 1943 года, наш дедушка Хаим-Йосл умер от голода.

Глава 5. Капля добра, в страшное время.

Когда я подросток после войны, отец, однажды рассказал мне, что в середине 1943г., после смерти бабушки от голода, к нам ночью в окно постучал человек и занёс нам корзину с продуктами.

Это было пару раз. Оказывается, это был соученик моего отца, украинец по национальности, они учились в одном классе в селе Василеуцы, Сокирянского района, где родился и жил мой отец.

Фамилия этого человека Швец. Его прислали после окончания сельскохозяйственного техникума, агрономом в какое-то хозяйство, в село Поповцы, где находилось наше гетто.

После короткого времени, кто-то донес, что в наш дом заходил агроном, и за моим отцом пришли румынские жандармы и забрали его в районную жандармерию, города Копайгород.

Там сразу, допросил его начальник жандармерии и стал спрашивать его, зачем, мол, заходил Швец к вам, приносил ли он вам продукты, отец молчал и не признавался, не хотел подводить соученика, который спас нас от голодной смерти в такое тяжёлое время.

Трое суток отца страшно избивали, он много раз терял сознание, его обливали водой и снова били, но отец так и не дал показания на Швеца.

Ну и дурной нам попался жидань, ты только признайся и дай нам показания на агронома и мы тебя сразу отпустим.

Он снова терял сознание и долго не приходил в себя, но продолжал молчать.

На четвертые сутки привезли его жандармы в гетто на

подводе, потому, что ходить и даже сидеть он был не в состоянии.

Больше двух недель он пролежал в полуобморочном состоянии и однажды ночью к нам снова зашёл Швец, и когда он увидел, лежащего отца, у него слёзы выступили на глазах. И тогда он сказал отцу:

"Ицик, тебе надо было сказать все, что они хотели, ведь они могли тебя покалечить и просто убить. Я как-то бы выкрутился, всё дело в том, что этот жандарм зол на меня, потому что я увёл у него любовницу.

Больше Швец к нам не заходил и дальнейшую его судьбу, я не знаю. Вот такую вот историю напомнил мне отец, и я сам уже немолодой человек об этом впервые решил рассказать.

Глава 6. Долгожданное освобождение.

В начале 1944 года, многие взрослые уже понимали, что фашистам приходит конец, и до освобождения, осталось недолго ждать. Но до этого времени, ещё надо суметь дожить.

В конце февраля и в начале марта, уже были слышны разрывы снарядов и румынские жандармы, стали реже появляться в селе.

И вот, наконец, наступил долгожданный день свободы, когда в Поповцы вошли солдаты Красной Армии. Слезам и радости не было предела.

Мои родители, рассказывали мне позже, что они сразу не могли поверить, что они остались в живых.

И главное, что этот ад, эти муки и это моральное унижение, когда нас не считали людьми, всё это осталось в прошлом.

Через десять дней, нам разрешили возвратиться домой.

В конце марта 1944 года, после 2,5 лет пребывания в гетто, оставшиеся в живых немногочисленные еврейские семьи, вместе с моими родителями, возвратились в Бричаны.

Наш дом был полностью разрушен и нас, временно, приютила знакомая семья. Этот дом находился около базара, по улице 28-го июня.

Когда мы немного обустроились и отец пришёл в себя, он решил, пока всё ещё свежо в памяти, написать памятный лист, где он указал место и время гибели всех наших родных и близких.

Как вы помните в третьей главе "Смерть по дороге в гетто", я перечислил всех родных, которых гнали вместе с нами.

После нашего освобождения, из девяти человек в живых осталось только трое, я и мои родители.

Благодаря тому, что отец в своё время, написал этот "лист памяти", у меня есть возможность вставить его в свою книгу.

Вместо эпилога.

Отец через пару недель, поступил на работу в Бричанский Ушесдор (участок по эксплуатации и ремонту шоссейных дорог), на должность дорожного мастера.

Его направили на работу в село Корбул, Дондюшанского района. Мы с мамой, поехали вместе с ним.

Через три месяца, а точнее 26.07.1944 года, Бричанский военкомат призвал его в Красную Армию, на войну с фашистами. После тяжёлого ранения под Кёнигсбергом, 20.02.1945 года, он четыре месяца пролежал в эвакогоспитале.

После выздоровления, он демобилизовался из армии 28 июня 1945 года.

Мы с мамой, встретили его на станции Дондюшаны.

Вскоре, мы все вместе вернулись в Бричаны.

Через четыре месяца отец уже мог ходить без костылей, но всё же приходилось пользоваться палочкой. После долгих поисков, он устроился на работу счетоводом в редакцию районной газеты.

**После гетто и войны.
Мать, Отец и я.
Мне, здесь уже 8 лет.
Бричаны, май 1946 года.**

В сентябре 1945г., я поступил в среднюю школу и окончил её в 1955г. В том же году я поступил в техническое училище и окончил его по специальности модельщика в 1957г.

После трех месяцев работы модельщиком на Николаевском судоремонтном заводе меня забрали в армию.

Три года я прослужил авиационным механиком, обслуживал истребители "Миг-17".

В 1966г. я закончил заочно Одесский Политехнический институт.

Работал конструктором в ПКБ Электрогидравлики и на опытном заводе.

Вслед за семьёй сына, я с женой репатриировался в Израиль 26.04.1994г.

В апреле 2012 года было ровно 18 лет, как мы все живём в своей стране.

Моя младшая сестра вместе со своей семьёй и нашим отцом выехали в Израиль в 1991г.

Наш отец умер в Израиле летом 1993г.

Я успел поработать, восемь месяцев, рабочим на заводе "Амнир", Хадера. Сейчас мы с женой живём в городе Маалот.

Часть 2. Наши корни.

Оглавление.

Вступление

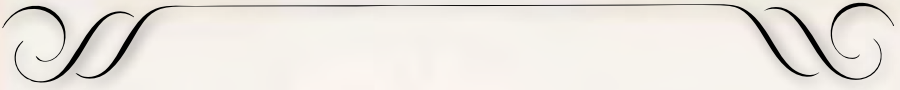
Глава 1. Мои дедушки и бабушки.

Глава 2. Мои родители и родственники.

Глава 3. Родители моей жены.

Глава 4. Мой отец, в Израиле.

Глава 5. Мой дядя, Яша Койфман.

Вступление.

Какую цель я преследовал, начиная писать свои воспоминания "Наши корни"- это оставить память сыну, внукам и родным.

Потому что у наших детей (не говоря о внуках, которые пока не читают на русском), наше прошлое не вызывает должного интереса.

А ведь без прошлого нет будущего, без нашего горького прошлого, просто будет непонятно, зачем и почему мы оказались на этой земле и почему наши внуки, рискуя жизнью, должны эту землю защищать.

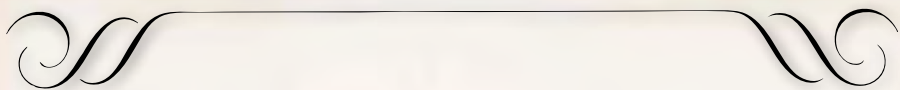
Немногочисленные фотографии наших бабушек и дедушек, а также наших родителей не вызывают интереса у наших детей и внуков. Но я надеюсь, пройдёт время, с возрастом, мышление и приоритеты меняются и кроме своей карьеры и работы, их могут заинтересовать свои корни.

Теперь в своём возрасте я очень сожалею, что, когда я был моложе, и были живы мои родители, я совсем мало интересовался прошлым, а затем вообще уехал из дома и приезжал только в отпуск.

Я думаю, что младшая сестра Милаша намного больше знает о нашем прошлом, потому, что больше прожила с родителями.

В итоге я пришёл к выводу, чтобы вызвать интерес, оживить фотографию, необходимо о каждой написать пару строк и тогда из фотографии она превратится в живого человека, несмотря на то, что эти люди ушли из жизни много лет назад.

Да, эта идея и весь этот опус появился, благодаря моему сыну, который ровно год тому назад подарил мне компьютер, а месяц назад и сканер. Я раньше совершенно не думал, что это полезная штука и с ней многое можно сделать.

Глава 1. Мои дедушки и бабушки.

К сожалению, про своих прадедушек и прабабушек я ничего не знаю, и не сохранились фотографии. Поэтому, я вынужден начать свои воспоминания с дедушек и бабушек, про которых, тоже немного знаю, но хотя бы, пока сохранились фотографии.

Свои воспоминания я начну с дедушки Ушера - это со стороны отца.

1.Койфман Ушер Лейзерович, уехал в Америку задолго до начала Отечественной войны, оставив бабушку Чарну одну с тремя сыновьями.

И ей одной приходилось кормить и воспитывать трёх парней. Сначала было очень трудно, но со временем мальчики стали подрастать, сначала старший сын устроился на работу, а затем и остальные.

Дедушка Ушер, после отъезда в Америку, прислал одно единственное письмо, а затем он замолчал. Началась война и вместе с ней все наши невыносимые беды, но и после войны о дедушке ничего не было слышно - он пропал без вести.

Дальше я расскажу о своей бабушке Чарне, со стороны отца.

2.Койфман (Вайсенберг) Чарна Самуиловна,- она с сыновьями проживала в с. Василеуцы, Сокирянского р-на, Черновицкой области. На фотографии сфотографирована бабушка Чарна с моим отцом, город Яссы, Румыния, 23.03.1936 год. Тяжело ей было одной поднимать на ноги трёх детей, но отец говорил, что она была человеком с сильным характером. Дети её очень любили и уважали. После начала войны и оккупации Бессарабии немцами и румынами, всю нашу семью погнали в гетто, которое находилось в селе Поповцы, Копайгородского р-на, Винницкой обл., Украина.

По дороге в гетто, на каком-то этапе, к нашей семье, присоединились мать отца Чарна, его старший брат

Рувен, а также жена и сынишка младшего брата отца.

Бабушка Чарна заболела в дороге и так ослабла, что не могла дальше идти.

Жандармы отвели её в сторону от колонны и прямо рядом, в поле расстреляли.

Это было в сентябре 1941г., около Ямполья, Украина.

Теперь я перехожу к дедушке и бабушке со стороны матери.

3. Букштейн Хайм-Иосеф, 1879 г. рождения.

Фотография семьи моей матери, которая показана на фотографии, сделана я думаю в 1935г, дедушка сидит в центре.

Дедушка Хаим-Иосеф, был очень молчаливый, замкнутый человек, с него слово не вытянешь. Он был без

одного глаза, и он всегда носил бороду, он занимался выделкой кожи и извозом. Говорили, что родом он был из какой-то деревни, недалеко от Бричан. Но человек он был добрый и хорошо относился к бабушке.

Умер наш дедушка в гетто Поповцы, в середине 1943г., от голода.

4. Букштейн Малка, 1881 г. р. На общей фотографии, стоит слева. Недавно, я говорил, по скайпу, со своей родственницей Валеё Ботушанской, которая сейчас живёт в Сан-Диего, США. Узнав, что я пишу о своих корнях, она мне рассказала о моей бабушке Малке. Так как она немного старше меня и прекрасно всё помнит, получился очень тёплый рассказ, который я полностью передаю.

Она мне рассказала про мою бабушку Малку, несмотря на то, что ей было всего пять лет, она прекрасно помнит очень многое.

Бабушка Малка или Молка это одно и то же, это родная сестра её бабушки Гитл. Малка была моложе Гитл и у них были совершенно разные характеры: Гитл была серьёзная, строгая, а Малка была очень добрая, улыбчивая и была великолепной хозяйкой, а уж какие пирожки она пекла. Валя помнит вкус этих пирожков до сих пор.

Валя вместе со своей старшей сестрёнкой Мусей очень любили приходить в гости к бабушке Малке. Впервых, она их всегда угощала, чем-то вкусным, а во вторых разрешала им делать почти всё. Она их отводила на балкон и говорила им на идиш:

"мои девочки делаете всё, что вам хочется"- и мы, конечно, резвились от души. Бабушка Малка была для нас, как луч света в темном царстве. Лицо у неё было без морщин, гладкое и смуглое, впрочем, как у нашей мамы, да у Милаши такое лицо, а теперь у Светочки.

Умерла наша бабушка Малка, также в гетто Поповцы, в начале 1942г. от тифа.

Глава 2. Мои родители и родственники.

5. Койфман (Букштейн) Этя Иосифовна, 1908 г.р.- это моя мама, на фотографии, (см. Глава 1) она стоит совсем молодая, около своего отца. Я думаю ей, ориентировочно, лет 24- 25. По рассказам Вали Ботушанской, наша мама в молодости была очень красивой, всегда аккуратно одетой и ей запомнилось, что она часто ходила в белых носках и с папочкой под мышкой. Она работала в то время секретарём в примарии.

Нашей маме, я считаю, очень повезло, что она вернулась с мужем и сынишкой из гетто, второй раз повезло, когда она дождалась возвращения раненого отца с фронта, и в августе 1946г. родила девочку Мальвину, названную в честь бабушки Малки. И самое главное ей повезло, что бог наградил её таким мужем, как наш отец. Заботливый, очень преданный жене и детям, они прожили вместе хорошую жизнь. Из-за болезней наша мама ушла рано из жизни.

Мама умерла в январе 1988 года в Единцах, Молдова.

6. Букштейн Зейлик, 1916 г., рождения - младший брат моей матери, на фотографии сидит слева от дедушки. (см. Глава 1)

Зейлик, перед войной уехал искать свое счастье в Южную Америку. Он устроил свою жизнь в Бразилии, в городе Сан-Пауло.

Нашёл богатую невесту, женился и стал владельцем нескольких мебельных магазинов.

После войны, через людей, мама

получила от него одно или два письма. Более или менее, связь с ним установилась в начале 70-х годов прошлого века. Он даже пытался вместе с женой приехать, чтобы повидаться с сестрой и её семьёй.

Он оформил визы в три страны: Израиль, Румынию и в Советский Союз. Сначала он посетил Израиль в начале октября, но вскоре, если мне не изменяет память 6.10.1973г. разразилась война "Иом Кипур" и они через несколько дней вылетели из Израиля в Румынию.

В Бухаресте они обратились в советское посольство, чтобы подтвердить право въезда в Советский Союз. В посольстве им отказали и сказали: "езжайте домой, если вы бы, прилетели из Бразилии, минуя Израиль, тогда другое дело".

Итак, первая попытка окончилась неудачей.

Дядя Зейлик с женой сделали вторую попытку в 1974г. На этот раз они прилетели в Бухарест прямо из Бразилии и получили разрешение на въезд.

Встреча происходила в Черновцах, они остановились в гостинице "Верховина", помню, она находилась на ул. Ленина, по-моему, напротив большого парка.

С нашей стороны на встречу приехали мама с папой, Милаша с Фимой и я. Мы остановились в более простой гостинице и ездили к ним на встречу в их номер.

Конечно, первая встреча брата с сестрой, после стольких лет разлуки и перенесённого горя была неопишуемой. Было много радости и много воспоминаний. Беседы велись на идиш, он помнил также румынский язык. Мы получили много подарков, кое-что купили в валютном магазине. Мы им тоже вручили сувениры, но более скромные.

Дядя Зейлик пригласил меня и Фиму приехать в Бразилию и научить нас зарабатывать и делать бизнес. Но не надо забывать, что это был 1974г. да и мы были не так воспитаны.

Дядя Зейлик умер перед выездом в Израиль, семьи моей сестры с отцом, в 1991г.

Дальше я напишу про своего отца и двух его братьев.

7. Койфман Реувен, 1906г.р.- Старший брат отца по рассказам из всех трёх братьев, был самый способный и талантливый. Он даже играл на скрипке.

И погиб, когда ему не было ещё 35 лет.

Койфман Реувен был также убит по дороге в гетто в Косоуцком лесу, в 1941г. По несчастью они нарвались на немцев и те расстреляли почти всю колону, сначала их заставили вырыть себе общую яму, а затем побросали туда все тела.

Крестьяне потом рассказывали, что целых три дня дышала земля над этой могилой.

Пятый человек на маленькой фотографии это тётя Нехома жена Ривена, старшего брата отца, о ней я мало, что знаю. Очевидно, она тоже была в гетто только не с нами, осталась живой.

После войны, чтобы выжить, в это трудное время, она вынуждена была снова выйти замуж. И она родила симпатичную девочку.

Эта девочка стала очень доброй женщиной, фамилия, которой Мила Маркович и живёт она сейчас в Кирыят-Яме.

Тётя Нехома умерла в Бричанах, Молдова.

8. Койфман Исаак Ушерович, -1908г.р. это средний сын и мой любимый отец вернулся из гетто, живой вместе с мамой и мною. На фотографии, мой отец сфотографировался 31.07.1936г., и подарил эту фотографию своей будущей жене.

На обратной стороне фотографии он написал: "дорогой Этике в честь нашего знакомства".

Я думаю, свадьбу они сыграли в конце 1936г.

Папа, из троих братьев, был самый тихий, преданный матери, а потом своей семье. Я думаю, нашей маме с ним очень повезло, они прожили непростую, но хорошую жизнь.

После начала войны в сентябре 1941года, мы были угнаны в гетто.

В конце марта 1944г., после 2,5 лет пребывания в гетто, мы возвратились в Бричаны.

Отец через пару недель поступил на работу в Бричанский Ушесдор (участок по эксплуатации и ремонту шоссежных дорог), дорожным мастером.

Его направили на работу в село Корбул, Дондюшанского р-на.

Мы с матерью поехали вместе с отцом.

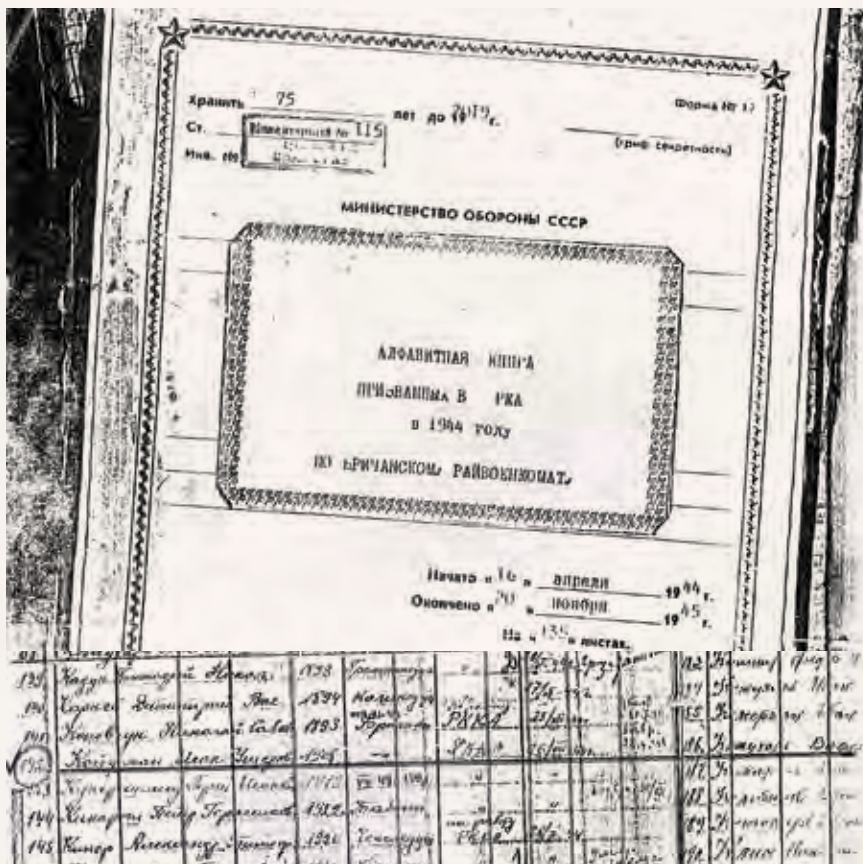
Отец проработал недолго, месяца три. Ориентировочно в апреле, мае 1944г., на освобождённых территориях, началась мобилизация в Красную армию.

Отец многим молдаванам, работавшим вместе с ним, сумел сделать бронь.

Но сам отец решил пойти в Красную армию, чтобы отомстить проклятым фашистам за убитых и замученных родственников в многочисленных гетто и концлагерях.

И, действительно, в отличие от других евреев, он остался жив после гетто, и он не имел права и не мог отказаться от службы в армии.

Когда я уже был постарше, я спросил отца, добровольно ли он, после гетто, пошёл в армию: "и он мне честно объяснил, что, во всяком случае, он не уклонился от призыва". Он думал тогда, что суждено, то и будет, и от своей судьбы не уйдёшь.

Призыв в Красную армию

Отец простился с нами и ушёл на фронт. Мы с матерью остались жить в селе Корбул, где работал отец, на квартире у тех же людей. Так, как отца уважали, потому, что он сделал много хорошего для людей, поэтому нас жалели и относились хорошо.

Мы часто писали письма отцу и раза три, получили от него ответ.

Он писал, что он красноармеец-миномётчик 191-ой дивизии и бои идут сейчас в Восточной Пруссии. Также он писал, что у него интеллигентный, добрый командир по фамилии Волков.

А я в это время, вместе с соседскими мальчишками пас коров, на лугах за селом.

Так прошёл год. Вскоре мы получили от него открытку, что он жив , но лежит в госпитале.

Потом мы узнали, что 20. февраля.1945 года в Пруссии, под Кенигсбергом, отец получил тяжёлое сквозное осколочное ранение обеих ног.

Справка о ранении моего отца.

Он попал в госпиталь, ему повезло с врачами и 16.06. 1945г., его выписали.

Мы с мамой встречали его на станции Дондюшаны. С вагона сошёл человек на костылях, и мы узнали в нём нашего отца. Мы радостно бросились к нему и все заплакали.

Вскоре после этого мы все вернулись в Бричаны.

Спустя, три месяца после того, как отец вернулся из госпиталя, он узнал, что его младший брат Мэкл, которого он не видел пять лет, с начала войны, продолжает службу, в Львове. Он, немедленно, поехал к нему, чтобы повидаться и узнать, как сложилась его судьба за все эти годы, во время войны.

**Неожиданная встреча
после 5 лет**

**войны,
20.09.1945 года,
г. Львов.**

**Справа мой отец
после госпиталя,
слева его младший
брат Мэкл.
Стоит М. Л. Шмидер.**

Несмотря на то, что все поезда были переполнены, так как солдаты возвращались из Германии домой, а беженцы и эвакуированные с востока в Молдавию, отец, как инвалид войны, всё-таки сумел сесть в поезд и добраться до Львова. Во время встречи, мой отец рассказал младшему брату о смерти его сынишки и жены в гетто, а также о гибели матери и старшего брата по дороге в гетто. Встречу нельзя назвать радостной, но таков был итог войны для евреев и для других народов.

9. Койфман Мэкл Ушерович, 1914 г. рождения.

Мэкл отличался от братьев буйным, боевым характером, любил похулиганить в детстве. Они все трое родились и школу закончили в селе Василеуцы, Сокирянского р-на. Отец рассказал мне, что однажды в классе его обидел и побил соученик. Отец об этом рассказал младшему брату, Мэкл попросил показать ему этого парня. После этого, парень 3 дня не появлялся в классе, а затем извинился.

Дядя Мэкл с начала войны попал в Красную Армию, воевал, а затем попал в плен к немцам, но сумел выжить, а затем бежать.

В последний год войны он служил в контрразведке, в Германии, а после попал во Львов. Об этом узнал мой отец, и он поехал к нему на встречу после пяти лет проклятой войны.

По окончании войны и после демобилизации, дядя Мэкл привёз из Германии неплохие трофеи. Я думаю, что дядя Мэкл по натуре был немного авантюрист, в отличие от спокойного и осторожного нашего отца, любитель женщин и не дурак выпить.

Рассказывали, что уже в зрелом возрасте, когда он работал на овощном пункте, его пригласили на свадьбу в каком-то селе, где он заготавливал фрукты. Когда свадьба уже была в самом разгаре и все гости и мой дядя, уже были под хорошим градусом, кто-то из гостей отозвался нехорошо о евреях.

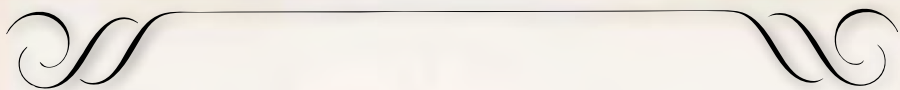
И мой дядя один разогнал всю эту молдавскую свадьбу, правда, после этого он целую неделю отлеживался и залечивал раны на квартире.

Будучи, ещё мальчиком, а затем и в более зрелом возрасте я восхищался им, он казался мне крутым, смелым человеком.

Он был, сложный человек по характеру, совершенно не родственник, мог месяцами не заглянуть к семье брата, не позвонить нам и отец, а особенно наша мама обижались на него, а я ему всё прощал.

Умер дядя Мэхл в 1989г. в г. Единцы, Молдова.

С нашей семьёй в гетто была первая жена дяди Мэхла, Койфман Юта с маленьким сынишкой, в конце 1941года они умерли оба от тифа.

Глава 3. Родители моей жены.

Теперь, пришло время немного рассказать о родителях моей жены:

**Это последняя встреча матери с отцом на фронте.
Февраль 1942 года.**

Отец моей жены – Блюмберг Бецалел Шмерлевич родился в 1910 году.

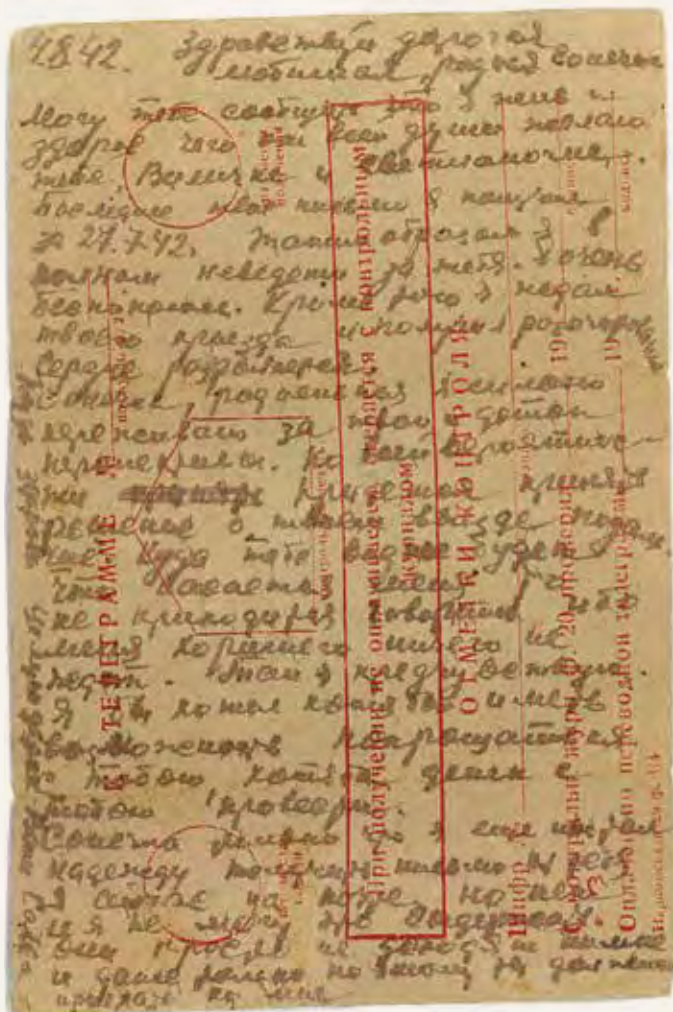
В 1932 году он окончил Одесский сельскохозяйственный институт и был направлен на работу в село Львово, на должность директора средней школы.

В 1935 году он женился, и у него в семье родилось двое детишек, девочка и мальчик.

После начала войны, 12.08.1941 года, они всей семьёй эвакуировались в г. Моздок, где отца забрали в Красную Армию, на войну с фашистами.

На фронте, он воевал в должности политрука

Последняя от него открытка (которая прилагается ниже), пришла 4 августа 1942 года, после чего он пропал, и больше от него никаких известий не было.

**Последняя открытка, полученная от отца
4 августа 1942 года.**

Мать - Лейкина Софья Наумовна, родилась 14.12.1914 года.

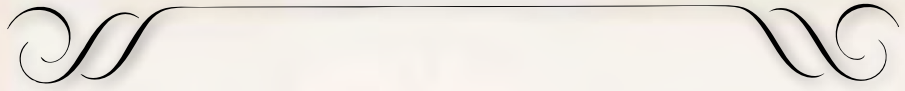
После окончания педагогического техникума, была направлена на работу в село Львово, Калининдорфского района, Одесской области. Там, она вышла замуж, после чего, родила двух детишек. Во время Отечественной войны, была в эвакуации, вместе с двумя маленькими детьми.

После войны, возвратилась в Николаев, где жили родители мужа. Устроилась работать в детский дом воспитательницей, где проработала 10 лет. Затем она устроилась учительницей младших классов в начальную школу и доработала там до самой пенсии.

До конца жизни, она больше замуж не выходила, воспитывая одна двух детей.

26.04.1994 года, она вместе со своей дочерью и со мной, репатриировалась в Израиль.

30.12.1994 года, ей исполнилось ровно 80 лет, а 23.02.1995 года, она ушла из жизни.

Глава 4. Мой отец в Израиле.

В своих воспоминаниях "Наши корни", я хочу рассказать о короткой жизни нашего отца в Израиле.

Отец совершил алию в Израиль, вместе с семьёй моей младшей сестры Мальвиной Рейдер, летом 1991 года. В самом начале, семья сестры с отцом, жили на квартире в Кирьят - Оно.

Отец просит Б-га, чтобы все было хорошо в семье его любимой дочери.

**Справо налево:
Светочка, Мальвина, наш отец, Линочка, Гиора.**

Её муж Фима, мастер на все руки, устроился сантехником на стройку, несмотря на то, что у него было высшее техническое образование. Сначала было очень тяжело, но он привык и втянулся в работу.

Через несколько месяцев он трагически погиб.

И вот моя сестра осталась одна с двумя девочками на руках и с отцом, которому к этому времени исполнилось 83 года.

Несмотря на тяжёлое положение, они все вместе приняли решение купить 3-х комнатную квартиру в Бейт-Элейзере, это пригород Хадеры. Старшая дочка Линочка, ещё до этого, переехала учиться и работать в кибуц Мааган - Михаэль. Вскоре она вышла там замуж за кибуцника.

После окончания строительства дома, моя сестра с отцом переехали в Бейт - Элейзер в свою новую квартиру.

Упаковка всех вещей и всего остального, переезд, приведение в порядок новой квартиры всё это легло на плечи моей сестры.

Младшая дочка, Светочка осталась в Кирьят - Оно заканчивать школу. Ей там сняли маленькую комнату. Плата была 500ш., за два месяца. В Бейт - Элейзер она приезжала не часто, один или два раза в месяц, так как проезд для неё, в то время, был дорогой.

Линочка была очень довольна своей жизнью в кибуце, она приезжала к своей матери и бабушке, каждый выходной.

По сути, в новой квартире моя сестра с отцом жили одни. После того, как немного обустроились и пришли в себя, завезли кое-какую мебель, начались лихорадочные поиски любой работы.

Сестра находила работу по уборке квартир и вил, никакой работой не брезговала, ведь надо было

выплачивать машинистку и платить за комнату, которая снимала, Светочка.

В конце концов, ей повезло, и она нашла в 8км от дома, работу на фабрике по разделыванию птицы, (полугосударственное предприятие). Приходилось работать в холодильной камере, но всё же это было лучше, чем уборка квартир и работа мэтапэлэт.

Линочка, которая дописывала последнее письмо отца, писала мне, что мама в это время похудела, почернела и нервы у неё были натянуты, как струна. Отец очень переживал за дочь и своих внучек. Отец, также сумел доказать, что он бывший узник гетто, и получил пицуим из Германии. Несмотря на все трудности, выпавшие на их долю, как и для всех олимов в первые годы жизни в стране, к моему отцу в семье относились с большой заботой и теплотой.

Он вступил в организацию израильских ветеранов и инвалидов войны, воевавших с нацистами. После вступления, ему выдали картис члена организации.

Когда внуки были дома, они помогали отцу в уборке квартиры, в покупках. Внуки помогали дедушке стричь ногти на ногах, а старшая внучка Линочка, даже дописывала письма, которые дедушка начинал писать мне.

Здравствуйте, наши дорогие!
Я, полагаю про письмо которое ка-
писала Лина, побом я вас поздравил
с днми рождениа твоем получил.
Теперь, я решил вам ответить
на ваше письмо! из чего казать?

Светочке, суди комнату, з 2 месяца
во шкеле. что, она полагает
после школы еще не известно.

Но, что вам предстоит проблема
с матерью Светы, но придется.

Но, что вы теперь с Елиза в
разных странах это не легко.

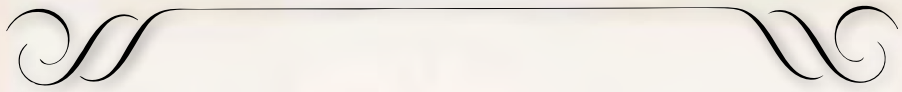
Только, у нас утрасрсе, много
вам каписет. Теперь, ведутся
активные почки работы у
Милаш. В, частности квартир
Новин репатриантам — это очень
редкий случай. Но, работу сложнее

найду там и в-бартиру. Милочка,
 сама в той квартире все запакowała,
 и здесь своими руками все разо-
 жила. Такое, совпадение лица в
 глубокой старости дай бог чтоб
 все было благополучно, Света, че-
 лннн дннн в школе. От меня
 ползти мало. ум, память слава
 богу. Со здоровьем не блещу.
 Но здесь говорят до 120 лет, это
 наш путеводитель Моисей нем
 120 лет. мне, сегодня погасли-
 вно, что лица у нас и она
 дожиет некто. Ми, все вас
 приветствуем отнимаем гордо
 целуют. От моего имени
 целуйте Гелку от кой старший
 правнуч

Посылаю письмо от отца и
 невесты через старшего

Последние месяцы перед смертью дедушка страдал обезвоживанием, так он не мог пить много воды. Возраст, переживание за близких людей, болезни, всё это привело к тому, что наш отец, любимый дедушка ушёл из жизни в июне 1993 года.

Со временем, жизнь семьи моей сестры наладилась, да и не могло быть по - другому, в Израиле. Я со своей семьёй репатриировался в Израиль, после семьи сына, 26. 04. 1994года.

Глава 5. Мой дядя Яша Койфман.

Хочу написать несколько слов о своём дяде, Койфмане Яше, который родился 2.06.1926 года и умер летом 2005 года. Он сыграл положительную роль, в жизни моей семьи в Израиле. Мой дядя старше меня, всего лишь на двенадцать лет, а сколько доброты, ума и мудрости было в нём. И всё своё тепло, он отдавал своим родным и близким.

Бар - мицва, у Лёни - внука дяди Яши.

Справа налево:

**Полина, дочь д. Яши, сам д. Яша
Внук Лёня-виновник торжества, Ева-жена Яши**

Сидят:

Света, моя жена, я Семён и семейная пара друзей.

Я очень, сожалею, что он безвременно ушёл от нас. Вот он с, большим бы, удовольствием и радостью прочитал бы эти воспоминания, многое бы рассказал и подсказал, ведь он очень многое помнил о моих родителях и обо всех родственниках. Очень жаль, что я всё это затеял, после его смерти.

Он был очень благожелательный и толковый человек и очень многое помнил.

По существу, близко с ним и его семьёй, мы с женой познакомились здесь в Израиле, в Кирьят - Яме.

Это был очень тёплый человек, родственник. Они встречали нас с большим радушием.

Мы не очень любили ходить в гости, да и жили они далеко от Кирьят - Хаима, в другом конце Кирьят - Яма, но все праздники мы встречали только вместе с ними. Я, вспоминаю его с теплом в сердце.

Часть 3. Первый год в Израиле.

Оглавление.

Несколько слов от друга вместо предисловия.

Вступление.

Глава 1. Полёт в Израиль.

Глава 2. На квартире у сестры.

Глава 3. Поиски и аренда квартиры.

Глава 4. Поиски работы и один день на стройке.

Глава 5. Работа в больнице и учёба в ульпане.

Глава 6. Абсорбция семьи сына в кибуце.

Глава 7. Свадьба племянницы, Светочки.

Глава 8. Как доказать, что я малолетний узник гетто.

Глава 9. Знакомство с Олегом Буниным.

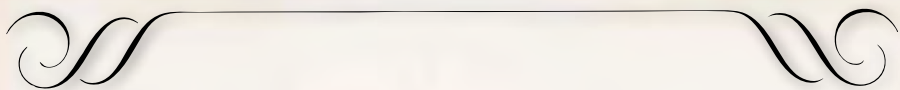
Глава 10. Работа на заводе "Амнир".

Глава 11. Жизнь и смерть матери жены.

Глава 12. Поиски и покупка первой квартиры.

Вместо эпилога.

Перевод слов с иврита на русский язык.

Несколько слов от друга вместо предисловия.

Здравствуй, Сема!

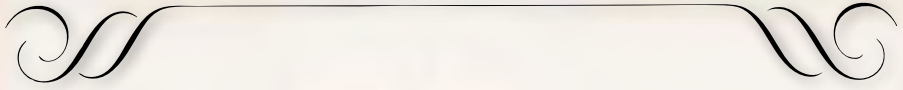
Прочитал твои воспоминания "Мой первый год в Израиле". Мне очень понравилась эта твоя работа.

Я читал ее с большим интересом как увлекательный роман, хотя конечно, это не роман, а документальный рассказ о жизни конкретной еврейской семьи - твоей семьи. Книга написана хорошим языком - четкими, ясными, понятными фразами. События описаны с мельчайшими подробностями, что вызывает уважение - ведь все описанное произошло более 18 лет назад! Поразительная память автора!

Книга (я так называю эту работу, хотя она изложена в виде интернет-блога) хорошо и со вкусом оформлена - красивые виды заставок, удобный для чтения шрифт, логичное деление текста на главы - все это удачно дополняет главное - искренний рассказ главы замечательной семьи о первых шагах по земле своей Родины.

От души поздравляю Семена Койфмана с большой творческой удачей и буду с нетерпением ждать продолжения!

Фонберштейн Илья

Вступление.

На нашем сайте "Всеизраильская ассоциация уцелевших в гетто и концлагерях", появилась моя авторская страница, на которой записаны две мои работы: "Наши корни" и "Моя семья и катастрофа".

Это говорит о том, что на 75-ом году жизни я стал молодым писателем. И я подумал, что сына я родил, семью свою привёз в Израиль, посадил здесь много деревьев, и даже написал два воспоминания в наш сайт, и я решил, что пришла пора остановиться. Но не тут - то было, всё время меня мучила мысль, что я что-то не досказал, что-то не дописал. Но с другой стороны я прекрасно понимал, чтобы записать любые воспоминания, нужны большие душевные и физические силы, и просто много времени. А я в этом году снова пошёл в ульпан, который бросил в прошлом году, когда у меня появился компьютер. Хочу заметить, что в ульпан я хожу всё время, с тех пор, как перестал работать. Потом я обслуживаю большую гину, которая вокруг нашего дома.

И вдобавок я хочу поделиться с Вами, что когда я принимаю решение, что-то написать, я просто перестаю нормально жить и спать, приходится глотать таблетки, чтобы уснуть и набраться сил на следующий день. Голова забита мыслями, только о будущем творении. Но как Вы уже поняли, как я не старался вызвать у Вас сочувствие к себе, но сам решил себя не жалеть и всё-таки написать третью работу. И я, надеюсь, что это работа будет моей лебединой песней, то есть последней.

Несмотря на то, что я живу в Израиле более 18-ти лет, я хочу описать только первый год жизни моей семьи в Израиле, то есть, начиная с 26.04.1994 года по 26.04.1995 год. Первый год это самый важный, самый тяжёлый и самый насыщенный год событиями и впечатлениями.

Первый год по важности равен десяти обычным годам. Именно, первый год интересен для очень многих, потому, что все, без исключения, прошли через него. И, возможно, он очень разный для многих, но в то же время, много общего для всех нас. И потом, подумав, я пришёл к выводу, что больший временной период я просто не потяну.

В конце своего вступления я хочу напомнить, какое же это было время, весна 1994 года. Самая большая волна иммиграции в истории Израиля, продолжалась почти до конца 1994 года. В 1992 г. был избран премьер-министром Израиля Ицхак Рабин, в том же году начались переговоры в Осло с ООП, и были подписаны соглашения. В сентябре 1993г., в Вашингтоне был подписан документ, где Израиль давал согласие на образование Палестинской автономии, а ООП признавала право Израиля на существование.

Единственное, что омрачило настроение израильтян и всех собиравшихся приехать в Израиль олимов, был теракт в пещере праотцев (Мэарат а Махпела), совершённый в феврале 1994года, Гольдштейном Барухом, израильским врачом, американского происхождения. Мы в это время были ещё в Николаеве и готовились к отъезду в Израиль. Этот страшный теракт, совершенный евреем, поразил нас.

Но спустя какое-то время, перед самым выездом в Израиль, это было в начале апреля 1994г., мы человек 7-8 будущих олимов, собрались в сохнутовском центре. Центр в Николаеве, находился на ЮТЗ, в большом клубе, где сохнут, снимал 3 или 4 больших комнаты. Конечно, разговор коснулся Баруха Гольдштейна, но все были уверены, что это случайный эпизод, который не повлияет на процесс переговоров. Процесс, мол, пошёл и его не возможно остановить. Мы скоро будем в Израиле и сами будем свидетелями мирного процесса. Да, ребята, мир придёт, наконец, на нашу святую землю. Не в этом году, так в будущем, в крайнем случае, через пять лет мы

установим мир со всеми нашими соседями, и наступит тишь и благодать. Мы будем жить на своей земле, как в Швейцарии, даже немного скучновато будет.

Не скрою от Вас, я тоже так думал.

Какие мы были наивные, что поверили в близкий мир. Но ведь это вековая мечта нашего народа, и если не мы, так дети и внуки наши обязательно дождутся мира на этой земле.

Вот и подошло к концу мое вступление, и я начинаю рассказ о первом годе жизни моей семьи в Израиле.

Глава 1. Полёт в Израиль.

Из Одесского аэропорта мы вылетели во второй половине дня, 25.04. 1994г., на самолёте израильской авиакомпании "Эль-Аль". Нас было три человека, я, жена и бабушка, мать моей жены. Бабушке шёл 80-ый год, и она плохо стояла на ногах и почти не ходила. Её пришлось заносить в самолёт на специальном кресле.

Самолёт быстро заполнился пассажирами и вскоре мы взлетели, взяв курс на Израиль. Салоны самолёта были полностью заполнены, олимов на этот рейс я думаю было не очень много, приблизительно, семей пять или шесть, а остальные в основном были религиозные евреи, возвращавшиеся с Украины и немного туристов.

С первых минут, когда мы поднялись в воздух, сердце забилось сильнее и от волнения и от радости, что вся нервоотрепка, связанная с подготовкой к отъезду осталась позади. А мы летели среди прекрасных, сказочных облаков на израильском самолёте, с израильским экипажем и симпатичными израильскими стюардессами. Уже одно только это, что такое возможно в этом мире, наполняло мою душу теплом и гордостью. Признаюсь, раньше я такого чувства никогда не испытывал.

Осталось ли чувство горечи и сожаления о том, что осталось позади, скажу честно нет. Но я не обольщался на счёт своего будущего в Израиле, так, как мне было уже 56 лет. Но страха в душе не было, ведь главное я знал, почему я уехал и зачем и куда я еду. И я всей душой верил, что все трудности мы преодолеем, и всё наладится в будущей нашей жизни.

Полёт подходил к концу, симпатичные стюардессы

уже успели дважды нас вкусно покормить, но нашей бабушке после еды стало трудно дышать и на неё надели кислородную маску. Моей жене тоже неважно было во время полёта, так как она с детства страдает вестибулярным аппаратом и укачивается в любом виде транспорта, кроме поезда. Но она мужественно держала себя в руках, и весь полёт ухаживала за бабушкой. За бортом самолёта стало темнеть, а внизу засверкала полоска серебристой воды и мы все догадались, что это и есть Средиземное море. Буквально через несколько минут вспыхнуло море огней, и мы поняли, что под нами Израиль и город Тель-Авив.

Через какое-то время мы пошли на посадку и благополучно приземлились в аэропорту Бен-Гурион. Бабушку мы вынесли на руках и сами спустились с трапа самолёта с ручными вещами. На микроавтобусах, все олимовские семьи отвезли в специальный зал ожидания. Мы разместились на мягких стульях, рядом с другими семьями, прилетевшими на других самолётах до нас. В зале было немного душновато, несмотря на то, что работал кондиционер. Во-первых мы были одеты ещё тепло, а во-вторых измучены волнениями и перелётом. Всё это видно на фотографиях, где нас сразу сфотографировали для Теудат Оле. Мы с женой, там выглядим, как будто мы вышли только, что из гетто.

Койфман Семён.

Койфман Света.

Лейкина Соня.

Мы сразу позвонили моей сестре, сказав, что долетели мы благополучно и приедем к ней, очевидно, не раньше утра. В зал ожидания мы попали, примерно, в 21 час и прождали там до 2 часов следующего дня. Нас курировала русскоговорящая сотрудница министерства абсорбции Розенфельд Полина. Нас угощали бутербродами и холодными напитками, так же были разнообразные фрукты. Чувствовалось, что нам рады. За это время мы успели пройти пограничный контроль, о чём говорит печать в заграничных паспортах. Выдали нам сумму денег для проживания и снятия квартиры на первое время. Так для нашей семьи из двух человек, выдали чек на 3860 шекелей и наличными 2500 шекелей. А маме моей жены выдали чек на 3372 шекеля и наличными 1500 шекелей.

Где-то к часу ночи, уже следующего дня были готовы наши Теудат Оле. Оформление и приём новых олимов, вообще-то, подошёл к концу и можно было, наконец, пойти к транспортёру выдачи, вылавливать свой багаж. Что я и сделал, поймав свои чемоданы и баулы, я их поставил аккуратно в сторонке. И пошёл в зал, чтобы вывести на улицу жену с её матерью.

Там мы нашли автостоянку, где нас уже ждали такси и микроавтобусы, которые должны были развести нас в разные уголки страны. Нашли водителя, у которого было северное направление в путевке, мы ему сказали, что нам надо в Бейт-Элейзер, пригород Хадеры:

- "Вы мне подходите, только придётся подождать ещё одну семью, так как мой микроавтобус рассчитан на две семьи".

- Мне ещё вещи надо вынести сказал я ему:

- "Тогда я пойду с тобой и помогу тебе, сказал водитель".

Так как у нас было три больших баула и два чемодана,

пришлось сделать две ходки. Когда мы всё принесли, около микроавтобуса уже стояла ещё одна семья, которым нужно было в Хадеру.

Мы все вошли в автобус, расселись по местам. А мужчины с водителем стали привязывать баулы и чемоданы на крыше, а несколько чемоданов пришлось внести внутрь машины.

И, наконец, мы тронулись в дорогу. Было около трёх часов ночи, я смотрел во все глаза, ведь я первый раз в жизни попал за границу, да ещё в Израиль. Ярко светили звёзды, а с двух сторон дороги красовались высоченные пальмы, а сама асфальтовая дорога восхищала своей добротностью и ухоженностью.

Вот так незаметно пролетело время, и мы приехали в Хадеру. Вскоре мы нашли улицу и дом, куда направлялись наши соседи по микроавтобусу, тепло попрощались с ними, пожелали друг другу здоровья и удачи в новой жизни.

И поехали дальше в Бейт-Элейзер. Через полчаса мы уже были там, нам нужна была улица Эшель, дом 24. Так как это был новый район, строительство, которого ещё продолжалось, найти улицу было довольно сложно. Это были утренние часы, людей на улице было мало, и те редкие прохожие, которых мы встречали, нам ничем помочь не могли, а ведь телефонов у нас ещё не было.

Около часа мы кружили по Бейт-Элейзеру, пока сами не наткнулись на ул. Эшель. Уже начало светать и в конце улицы мы увидели высокого мужчину и женщину, подъехали поближе и я узнал своего сына Сашу и свою сестру. Мы вышли из автобуса, крепко расцеловались. А я с сыном стал помогать водителю, развязывать баулы и выносить чемоданы из автобуса.

Затем мы от души, тепло поблагодарили водителя, а он пожелал нам удачи и уехал.

Глава 2. На квартире у сестры.

Сестра с моей женой и её матерью, потихонечку, осторожно поднимаясь по лестнице, вошли в квартиру, которая находилась на втором этаже. Я с сыном, стал заносить вещи в квартиру. Пока мы занесли вещи, проснулись моя невестка с моим внуком Ромочкой, которому к этому времени исполнилось 3 года и 8 месяцев.

Дело в том, что семья моего сына репатриировалась в Израиль на два дня раньше нас, то есть 24.04.1994г., из Клайпеды, Литва. Семью сестры мы не видели с лета 1991года, когда они уехали в Израиль, а семью сына мы тоже не видели более 3-х лет, с тех пор, как распался Советский Союз и мы стали жить в разных странах. Мы жили на Украине, а сын в Литве.

И мы приняли единственно правильное решение соединиться на Святой земле, на земле наших праотцев, на земле Израиля. И вот 26.04.1994 года произошла эта долгожданная встреча.

И благодаря моей сестре Милаше, эта встреча произошла не в захудалой гостинице, не в квартире с поломанной мебелью, куда обычно тивухи поселяют олимов в первые дни приезда в страну. Она дала нам возможность, придти в себя, спокойно оглядеться, решить самые главные проблемы в начале абсорбции, выбрать достойное жильё.

Для этого ей пришлось жить вместе с нами, то есть с 2-мя семьями, целый месяц. Эти две семьи состояли из шести человек, из которых один был ребёнок 3года и 8 месяцев, а вторая бабушка 80 лет, и всё это в 3-х комнатах. Начало абсорбции, семьи моей сестры, проходила намного труднее. За эти три неполных года

у неё трагически погиб муж, а в июне 1993 года, умер наш отец и любимый дедушка.

Когда ещё был жив дедушка, они всей семьёй приняли решение купить квартиру. В это время, когда мы жили у неё, она работала в 8 км. от дома на фабрике по разделке птицы. Старшая дочка жила в кибуце "Мааган Михаэль", а младшая дочка оканчивала школу в Кирият-Оно. Несмотря на все эти трудности, она всё-таки сумела купить квартиру, благодаря чему смогла принять нас у себя.

Немного, отдохнув, мы решили первые два дня посвятить знакомству с Бейт-Элейзером и Хадерой. Бейт-Элейзер, пригород Хадеры, выглядел очень симпатичным городком, как и все вновь строящиеся районы. С одной стороны 3-х этажные дома, покрытые красной черепицей, а с другой стороны добротные частные виллы. Улицы, вымощенные цветными кирпичиками, немножко напоминали мне Прибалтику. Здесь был свой Купат-Холим, несколько небольших магазинов, синагога.

На следующий день я с детьми, на автобусе поехали в Хадеру. Приехав в город, мы разошлись в разные стороны. Они по своим делам, а я просто побродить по городу.

Вы можете себе представить моё состояние, когда я первый раз в жизни ходил по улицам израильского города. Все вывески были на иврите, люди на улицах внешне были похожи на меня, говорили они на певучем языке, который, к сожалению, я ещё не понимал. Но я знал, что на этом языке, 2000 лет назад говорили мои предки. Я заглянул на рынок, который был рядом с улицей Герберт Сэмюэл. Обилие фруктов и овощей поразило меня, многие из них я видел впервые. Вышёл из рынка и пошёл вверх по улице, попал на площадь, справа по - моему, находится ирия. Немного дальше стояли столики, в тени деревьев, за которыми сидели пенсионеры и играли в шахматы, домино. Я подсел к ним и просто смотрел на них.

Затем я прошёлся около маленьких торговых лавочек, где продавали пиццу, фалафель и всякие другие вкусные вещи. Заказал даже хлебную лепёшку, наполненную, острыми овощами и пряностями. Пока я улепётывал свою лепёшку, я присматривался к продавцам. Это были молодые красивые парни, сефарды. В дальнейшем я сделал вывод, что внешне сефарды намного симпатичнее ашкеназов.

Было около 3-х часов, моя прогулка в первый день затянулась, и я решил возвратиться домой. Рано утром мы приехали на автобусе, но домой я решил пойти пешком, чтобы лучше познакомиться с городом и окрестностями. До Бейт-Элейзера от центра города, я думаю было 4-5км. И пошёл я солнцем палимый. Дошёл до края Хадеры. Дальше слева открылась аллея из высоких кипарисов, а справа цитрусовые сады.

Ещё немного и стал виден Бейт-Элейзер, и несмотря на то, что это ещё было в конце апреля, но было влажно и солнце палило нещадно, так как это были послеобеденные часы. А я шёл всё дальше и думал про себя, как же так, раз я приехал на эту землю, я обязан привыкнуть к солнцу и к израильскому климату. А, вообще, я был доволен своей первой прогулкой, своими первыми впечатлениями о стране. Первые впечатления всегда незабываемы. Я вспомнил, как я утром ходил по улицам, улыбался людям, а они улыбались мне в ответ.

На следующий день, после 2-х дневного отдыха, посоветовавшись с Милашей, мы решили выбрать банк "Апоалим", и больничную кассу "Клалит". С утра я с женой, поехал в Хадеру, а дети остались в доме с бабушкой и внуком.

Когда добрались до города, первым делом мы зашли в банк "Апоалим" и открыли счёт на нашу семью, а так, как у моей жены была доверенность от матери, мы также открыли счёт на мать совместно с моей женой. Когда все документы были оформлены, работница банка, которая нас обслуживала, поздравила нас и пожелала нам лёгкой абсорбции.

Выйдя из банка, мы направились в отделение министерства абсорбции, и вскоре туда добрались. Сказали, что мы новые олимпы, нас поздравили, рассказали нам, что мы должны сделать в первую очередь, а что потом. Мы сказали, в каком мы банке и номера наших счетов, куда должна поступать наша корзина абсорбции. Ознакомились с брошюрами и проспектами, которые в большом количестве были разложены на столах в коридоре.

Наконец, мы выбрались на свежий воздух. Решили побродить по магазинам, да кое-что надо было подкупить из еды для дома. К вечеру вернулись домой.

Все были в сборе, кроме Милаши, моей сестры, которая задержалась на работе. Она задерживалась частенько, чтобы больше заработать. Это в Израиле называется, шаот носафот.

На следующий день мы записались в больничную кассу "Клалит", и получили магнитные карточки картис - хавер Клалит.

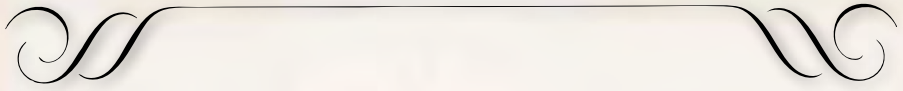
Я и мои дети записались в ульпан, для изучения иврита. Правда, в разные группы, дети в группу молодых, а я в группу пожилых. Жена моя, пока, не могла себе позволить такой роскоши, как изучение иврита. Потому, что кому-то, надо было оставаться дома с внуком и бабушкой.

У детей ульпан начинался, где-то во второй половине мая, а у меня 1-го июня.

Вспоминаю, 8-го мая мы поехали в Министерство внутренних дел, чтобы получить Теудат Зеуты и стать полноправными гражданами Израиля. Когда мы подошли к зданию, у нас потемнело в глазах от количества людей, стоящих в очереди. Но делать было нечего, и мы заняли очередь. Где-то во второй половине дня мы, наконец, получили заветные корочки.

Но, к сожалению, не без досадных ошибок. Так моя фамилия: Койфман, на иврите её записали с двумя

йюдами, как положено, а фамилию сына записали с одним йюдом. Так и живём до сих пор, с разным количеством йюдов. И второе, у меня дата рождения: 20.05.1938г., а мне записали дату: 00.00.1938г. И так я жил, без дня рождения очень долго. Мне это надоело и только 4.12.2008г., я добился правильной записи.

Глава 3. Поиски и аренда квартиры.

Можно сказать, что все первоочередные вопросы были решены, и можно приступать к более серьёзным проблемам. Это квартира и работа. Прошло уже две недели, как мы живём в стране. И я с сыном, начал активно заниматься поисками квартиры.

Как ни хорошо нам было жить у моей сестры, но ведь надо понимать, что у каждого своя жизнь. Мы видели, какая она усталая, выжатая приходит с работы, а тут в квартире, толкаются, а иногда спорят шесть человек. Скоро, в июне, оканчивает школу её младшая дочка и вернётся домой. Да и ей самой надо обустраивать свою жизнь. Короче, причин было предостаточно, чтобы скорей найти квартиру.

Мы между собой пришли к выводу, что вначале будем жить все вместе, единой большой семьёй. Жена моя будет ухаживать за бабушкой и внуком, готовить еду, а Саша, Элла и я будем учить иврит, искать работу и решать проблемы, которых будет не мало. Решение мы приняли, не скрою мудрое, но осталось найти квартиру, которая нас устроит.

Поиски квартиры мы вели с сыном вместе, но часто, когда дети начали посещать ульпан, мне пришлось это делать одному. С самого начала мы посетили две маклерские конторы, тивухи разьяснили нам условия, и начали возить нас по квартирам, которые предназначались для сдачи. Почему то все эти квартиры находились на окраине Хадеры, и были они похоже больше на сараи, чем на квартиры. Так как мы пользовались услугами двух контор, то нас возили и разные маклеры. И привозили они нас, не один раз в

одни и те же сараи. И цены были 330-340 \$, мы, конечно, молчали, что уже видели эти шедевры.

А время неумолимо шло, мы почти неделю, потратили на пустые поиски. Я даже стал отчаиваться. И пришёл к выводу, что тивухи, мне не помогут. По мере сил своих, я стал ходить по городу и искать объявления. С самого утра, на скорую руку, перекусив, я уходил на поиски. Во - первых я знакомился с городом, во вторых я искал не только квартиру, но и работу.

Я подходил к садовникам, которые копались в земле, подрезали ветки, подходил к дворникам, которые подметали улицы и просто цеплялся к прохожим. И всем я задавал один и тот же вопрос: где сдаётся квартира и нужны ли старательные работники.

И вот на третий день моих "хождений по мукам", я увидел двух олимпов, подметающих улицу в Бейт-Элейзере. Как, обычно, я подошёл к ним и поздоровался.

- Привет земляки, нужны ли Вам помощники. Они не растерялись, и один из них сказал:

- "возьми у меня метлу, поработай немного, а я пока покурю".

- Я взял у него метлу и начал мести, а он говорит: "Здесь у нас нет вакансий дворников, а наш кабан находится в Хадере, и вообще, очень трудно устроится сейчас, даже рабочим по уборке, и забрал у меня метлу".

Ребята, но самое главное, что мне очень, очень нужна квартира не менее 3-х комнат. Они перестали мести, посмотрели на меня и сказали:

"А в этом вопросе мы, кажется, сможем тебе помочь. Обернись и посмотри на дом, как он тебе?"

- Перед моими глазами, стоял новый, симпатичный 3-х этажный дом с двумя подъездами.

Правый подъезд дома, где за белой калиткой, на первом этаже, мы арендовали 3-х комнатную квартиру с 27.05.1994 года по 20.05.1995 год.

"Послушай дальше, в правом подъезде, на первом этаже, живёт молодая женщина с братом и матерью. Не знаю, за какие заслуги, но ей выделили "Аמידар" и они скоро будут выбираться".

Огромное спасибо ребята, я готов Вас расцеловать, но знаю, что вам это не надо. Я подошёл к подъезду, постучал в дверь и попросил разрешения войти. Дома были мать и сын, - извините меня, вы собираетесь уходить из этой квартиры?

"Да, через десять дней заканчивается наш договор и мы будем переезжать на другую квартиру".- для моей семьи очень нужна такая квартира и, именно, в этом районе, так как моя сестра живёт здесь, недалеко.

- Вы не запишете мне на бумажке, номер телефона ваших хозяев. Сын записал номер телефона и добавил, "что хозяева живут в Нетании". Я ещё попросил, если кто-то придёт искать квартиру, сказать, что она занята. Мне пообещали, и я ушёл домой, окрылённый.

Придя домой, я сказал, мне, кажется, что нам всем повезло, что я нашёл квартиру, и возможно нам удастся её снять. Уже было поздно, и мы договорились, что на следующий день, моя сестра, которая единственная из нас, уже немного владела ивритом, позвонит хозяевам. И, действительно, на следующий день вечером, она дозвонилась и объяснила, кто мы, и что мы хотим.

Они ответили, что в принципе, они готовы сдать нам квартиру, но это будет стоить нам 330\$ в месяц. Мы ответили, что мы согласны, но окончательно мы обговорим всё при встрече. Ещё они сказали, что семья, которая сейчас проживает в квартире, должна освободить её 27.05.1994г. Они в этот день приедут из Нетании, чтобы принять квартиру у прежних жильцов и одновременно привезут готовый договор, для сдачи квартиры нам.

Десять дней пролетели быстро и в назначенный день я, моя жена и сын с утра пришли на квартиру, которая находилась на улице Ашикма 33, кв.1. Дверь была

открыта, мы вошли, и нас встретила молодая женщина, которая жила здесь раньше. Она сказала нам, что они выбрали на новую квартиру ещё вчера, а она приехала, чтобы сдать квартиру хозяевам и отдать им ключ.

Хозяева должны были приехать через полчаса. В квартире было, кое-что подбелено, полы вымыты. Наконец, появились хозяева, это была молодая пара, лет 28-ми. Они осмотрели квартиру и сказали, что у них нет претензий к прежним жильцам. Молодая женщина отдала им ключ и хотела уйти.

Но мы попросили её остаться, чтобы помочь нам с переводом. Она любезно согласилась. Мы начали с того, что квартира нам подходит, и мы с радостью останемся здесь жить. Молодой хозяин квартиры ответил:

- "для того, чтобы вы остались в квартире, вы должны нам каждый месяц платить 330\$". - Я сказал, а если мы прямо сейчас, уплатим вам за целый год наперёд, то вы сможете снизить нам месячную плату. Они переговорили между собой и согласились на моё предложение:

"так, как именно, сейчас мне нужны деньги я вам снижаю месячную плату до 310\$". - И мы ударили по рукам. Мы достали новенькие чековые книжки, которые мы совсем недавно получили: бабушкину, нашу с женой, и сына. Исходя из тогдашнего курса доллара, общая сумма получилась около 12-ти тысяч шекелей. Разделили на три равные части и вручили молодым хозяевам три чека по 4000 шекелей.

В готовый договор, который они привезли с собой, мы вписали ручкой фамилии: мою, жены и матери жены, а также номера Теудат Зеутов. Договор был заключён ровно на год, с 27.05.1994года до 27.05.1995года., с правом опции. Это был стандартный договор на сдачу и съём, со всеми вытекающими условиями. Кстати, наши молодые хозяева, это Леви Илан и Рути. Договор состоял из 2-х листов, и в конце второго листа расписались наши хозяева, а затем я и моя жена. Жена также вписала фамилию своей матери. И так дело было закончено.

Мы тепло распрощались с хозяевами и с женщиной, которая жила здесь раньше и помогла нам с переводом. И так мы остались одни, уже в своей съёмной квартире. Немного отдохнув, мы закрыли квартиру и пошли на квартиру сестры, чтобы обрадовать остальных членов нашей семьи и начать великое переселение народов.

Не теряя времени мы быстро перекусили, и начали переносить вещи на новую квартиру. Хорошо, что у нас было мало вещей, и новая квартира находилась очень близко от сестры, всего через две улицы. И в последнюю очередь жена с моей сестрой, которая к этому времени вернулась с работы, привели нашу бабушку, которая еле передвигалась.

Итак, у нас появилась "стартовая площадка" на целый год, для вхождения в новую, неизведанную жизнь. Бабушке, мы отдали отдельную спальню и вторую спальню выделили детям с внуком. А нам с женой остался салон. Спать было на чём, старый холодильник и большой пластмассовый шкаф, который стоял в спальне бабушки, мы откупили у семьи, которая выбралась. Не хватало нам обеденного столика и пару, тройку стульев. Но все эти мелочи, мы со временем решили.

Глава 4. Поиски работы и один день на стройке.

Теперь основной вопрос, работа. И не потому, что у нас не было денег, на еду. Даже, наоборот, бабушка спрашивала мою жену: "дочка, скажи, пожалуйста, почему мы стали так хорошо питаться и вкусно есть, нам, что пенсию повысили".

-Дело, ведь в том, что корзину абсорбции мы получали полгода, а в денежном отношении, она была рассчитана на целый год. Так, что целый год можно было безбедно прожить.

Мои дети, сын и невестка, оба с высшим образованием, решили сначала хорошо изучить иврит, а только после этого заняться поисками работы. Но не надо забывать, что в 1994 году моему сыну Саше было только 29 лет, а невестке 28 лет. И сын у меня весьма, толковый, с математическим мышлением. Это я всё к тому, что у них были основания, не бросаться на любую работу. Вот, поэтому, они уходили с утра в улыпан, после обеда возвращались домой, обедали. Немного, отдохнув, садились вдвоём за учебники и учили иврит до темноты. И так продолжалось много дней.

Совершенно другая ситуация сложилась у меня. Мне, уже пошёл 57-ой год, иврита нет, и неизвестно будет ли он. Я окончил, вечерний, Одесский Политехнический институт. Но инженером я был, весьма, посредственным и всё лишь потому, что в школе я больше любил литературу и географию, чем математику и физику.

Видно мой сын пошёл не в меня, а в свою мать. Поэтому я себе прекрасно представлял, что ждёт меня в Израиле до пенсии, это метла, в лучшем случае, какой-

то станок. Единственное, что утешало, что до пенсии осталось совсем немного, каких-то семь лет. Но это я шучу, потому что в Израиле, я готов был на любую работу. И самое главное я очень хотел работать.

В первых числах мая, прошла всего лишь неделя, после моего прибытия в страну, и я решил сделать разведку боем по поводу работы. Я узнал, где находится промышленная зона в Хадере. Сел на автобус, сошёл в центре города. Дошёл до окраины города и спросил у прохожего, где ваши предприятия? Он мне сказал:

-“пройди через мост, а за мостом начинается промышленная зона”.

Я так и сделал и стал обходить предприятие за предприятием. Я то думал, что сразу у входа, за воротами, каждого заводика есть свой отдел кадров. Большинство ворот были закрыты, и на мой стук никто не отзывался, у других ворот, мне говорили, чтобы я скорей убирался. И только на одном заводе, ворота были открыты, я осмелился войти, и подошёл к будке, где сидели два охранника. И на моё счастье, один из них оказался русскоязычным парнем.

Я ему стал объяснять, что ищу любую работу, но вот обошёл 8 или 9 заводиков, но мне даже ворота не открывают. Он меня спросил: "А с кем ты хочешь говорить?" - как с кем, с отделом кадров или, в крайнем случае, с каким-то начальником.

"Пойми, здесь другая система, здесь существует "Бюро по трудоустройству", где должны отмечаться все безработные, оттуда направляют на работу. Также есть частные фирмы по найму рабочей силы "Коах адамы". "Скажи, а сколько времени ты в стране?"- Думаю, что неделя уже прошла: "- в таком случае ты ещё должен отдыхать и упорно учить иврит".

Я поблагодарил за разъяснения и пошёл в сторону города. Приближался вечер, а я шёл и думал, ничего

страшного, что я потерял, почти целый день, будем считать, что это была моя первая экскурсия по Израилю.

Иногда, я приходил на квартиру, в которую мы должны были вселиться через какое-то время. Я узнавал у семьи, которая там жила, не могут ли они выбраться раньше намеченного срока, что они могут нам оставить или продать из своей мебели.

А также я постепенно знакомился с будущими моими соседями. Так слева от нашей будущей квартиры, в левом подъезде, на первом этаже, был зубоучебный кабинет. Снимала эту квартиру зубной врач, звали её Лариса. К ней часто по вечерам приходил муж, чтобы проводить её после работы домой.

В один из таких вечеров мы с ним познакомились. Я узнал, что он работает сантехником на стройке в Тель-Авиве. Что добирается он туда на собственной машине. И, вдруг, я ему говорю: "возьми меня с собой, я хочу попробовать поработать сантехником на стройке" - он внимательно посмотрел на меня, и сказал, а почему бы нет.

Дело в том, что я сейчас остался без помощника, с прорабом я договарюсь. Значит так: "через десять минут выйдёт моя жена Лариса, и ты пойдёшь с нами. Я тебе покажу, где я живу и, где стоит моя машина. Завтра в 5-ть часов утра ты должен стоять около моей машины, как штык".

-Так мы и сделали, то есть он мне показал, где его дом и машина, а я пообещал, что ровно в 5-ть я буду около его машины.

Придя, домой, я рассказал, что я нашёл работу помощником сантехника, на стройке. Все стали уговаривать меня, что это не для моего возраста. Я ответил, что попробовать то я могу, ведь я пока не официально устроился.

Зная моё упрямство, меня оставили в покое. Я лёг

раньше спать, проглотил таблетку, чтобы раньше уснуть и хорошо выспаться. Будильник зазвонил ровно пол пятого, я быстро вскочил на ноги, побрился. Прихватив, приготовленные с вечера бутерброды и бутылочку с водой, выскочил на улицу.

Ровно в пять, как мы договаривались, я стоял около машины. Через пару минут вышел мой напарник, сел за руль, а я около него: "ну, что поехали строить новые дома".

Ориентировочно, через полтора часа мы подъехали к новостроящемуся району, на окраине Тель-Авива. Нашли, нужный нам, 8-ми этажный дом. Так, называемый дом, это пока был каркас из стен. Правда, внутри уже были комнаты, с полами, залитыми цементом и штукатуреными стенами.

Мы поднялись на пятый этаж, где сантехническая работа была не окончена. Напарник пошёл за инструментом и необходимыми пластмассовыми деталями. Одновременно, он предупредил прораба, что привёз себе помощника, взамен ушедшего. Прораб ответил:

"ну, посмотрим, что он будет собой представлять, пусть пока поработает".

Напарник принёс два отбойных молотка (так называемые "Конго"), и ящик с деталями и соединениями. После этого он предложил: "давай сначала перекусим, а потом начнём вкалывать".

После перекуса он вручил мне один из отбойных молотков и объяснил мне, что я буду пробивать отверстия под стенами в полу для соединений, а он будет долбить канавки в полу для труб.

И начали мы долбить, одно отверстие за другим, шумело в ушах, часа через полтора руки стали дрожать. Ведь это "Конго", было довольно тяжёлым инструментом. Приблизительно, в час дня мы пообедали остатками

бутербродов, прихваченных из дома, и запили водичкой. После небольшого отдыха, мы продолжили свою работу.

Но надо же, на мою беду, большегрузная машина привезла мадреготы (ступени), а в этот день были закрыты территории, не помню по какой причине. И, конечно рабочих, с территориями естественно не было. А машину то надо разгрузить, чтобы она могла уехать.

Нашли двух молодых парней, и я как помощник, да ещё, работающий первый день, тоже попал на разгрузку вместе с ними. С возрастом я понял, здесь никто не считается.

Да, эти мадреготы (ступени) весом по 25кг, а то и более были предназначены для лестничных проёмов. Прораб нас проинструктировал, что сняв ступени с кузова машины их сразу надо заносить в здание, на лестничные проёмы. Но начинать надо с верхнего этажа, то есть с восьмого.

Итак, работа закипела. Брали по одной ступени и вначале, в не плохом темпе заносили на верхние этажи. Под ногами на лестничных проёмах были пока песок, камни и всякий мусор. Через час я стал немного задыхаться, но стиснув зубы, я продолжал таскать эти проклятые ступени.

Я таскал и говорил сам себе, ведь я сам вызвался, я не хотел сидеть просто дома и бездельничать, а рвался на любую работу. Мы спустились уже на четвёртый этаж, но было видно со стороны, что меня шатает из стороны в сторону. Когда я таскал ступень на 3-ий этаж, ко мне подошёл прораб и начал говорить со мной на иврите. Он говорил, но в конце я запомнил, он сказал:

"кум бзейрут, ата иванта оти?"- Я положил ступень, вытер пот с лица, который заливал мне глаза и ответил ему:

"Послушай, мужик, ты чего издеваешься надо мной, неужели ты не видишь, что я на пределе, мне и так тошно.

И главное, какой я тебе Иванта, я настоящий Семёнта".

Он внимательно посмотрел на меня, махнул рукой и ушёл. Я его совсем не понял, что он хотел от меня, но думаю, что это было взаимно. Я продолжал носить проклятые ступени, пока мы не разгрузили всю машину. Я сел, на какой - то камень после этого и постепенно пришёл в себя.

Осталось полчаса до конца работы, и я решил наверх больше не подниматься. Я нашёл какую-то трубу с краном, разделся и помылся холодной водой. Вытёрся своей рубашкой, а потом её же и одел.

К этому времени спустился мой напарник, единственное, что он спросил, живой ли я. Я ответил, как будто бы да. Он умылся, мы сели в машину и поехали домой.

Я всю дорогу молчал, в основном говорил он. Он мне сказал, что мне сегодня просто не повезло, потому, что не было чернорабочих, так как закрыли территории. Но это бывает не так часто. Единственное, что я его спросил, почему прораб назвал меня Иваном он, что олимов недолюбливает:

"а как он тебе это сказал?" – ну, я запомнил только слово " иванта". "Извини, ты хоть и старше меня, но ты дурак, это на иврите означает, понял". Вот видишь, как необходим иврит даже на самой простой работе. У меня даже не хватило сил рассмеяться, я только улыбнулся. К этому времени мы подъехали к его дому.

Мы оба вышли из машины, и он сказал мне:

"место встречи изменить нельзя, завтра ровно в 5-ть утра я жду тебя здесь". - Я ответил хорошо, и мы попрощались, крепко пожав друг другу руки.

Придя, домой я что-то поел и сразу же лёг на кровать. Ко мне подошла жена и спросила: "как прошёл твой первый рабочий день?" Я слабо улыбнулся и ответил,

только не сейчас, я должен отдохнуть, через день я всё расскажу. Я закрыл глаза и притворился, что засыпаю. Но заснуть я не мог ещё долго. Когда я ещё перекусывал, жена меня спросила, приготовить ли мне бутерброды на завтра: "Пожалуйста, приготовь". - Я лежал с закрытыми глазами, чтобы все думали, что я сплю, и не трогали меня. Когда все улеглись, и заснули, я потихоньку поднялся, нашёл снотворное и выпил сразу две таблетки. Но это не помогло, я не засыпал.

В два часа ночи я снова встал и выпил третью таблетку. Но время неумолимо шло, а у меня, как говорил Райкин, ни в одном глазу. То есть до утра я не сомкнул глаз, и чувствовал себя очень плохо.

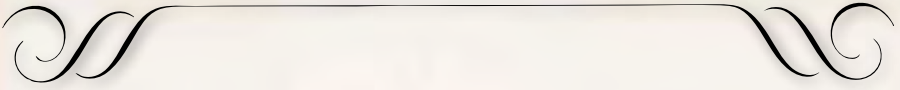
Но всё же в половине пятого я заставил себя встать, тихонько оделся, чтобы никого не разбудить и вышел из дома. Около машины, меня уже ждал мой знакомый. Мы поздоровались, и я ему сказал:

"Прости меня, приятель, но сегодня ты уедешь на стройку один" Дело в том, что эти проклятые мадреготы, сломали меня и я от усталости не мог уснуть всю ночь:

"да ты не переживай, ответил он мне, я уже две недели работаю без помощника". Мы попрощались, и он уехал на работу.

После этого, он меня больше не звал. За этот мой первый рабочий день в Израиле, никто не заплатил, а мне было стыдно об этом кому то сказать.

Но этот день и всё, что произошло в течение этого дня, я не забуду до конца жизни.

Глава 5. Работа в больнице и учёба в ульпане.

В первый же день, после переезда на съёмную квартиру, ближе к вечеру, ко мне подошла полная женщина лет 37-38-ми. И говорит мне: "я твоя соседка, живу над тобой, на втором этаже. Ты не против поработать в больнице Ашарон, которая находится в Петах-Тикве". А что я буду там делать, ведь я не врач и даже не медбрат. А ты не переживай, мы найдём тебе хорошую, бластную работу.

На иврите это бластная работа называется "Никайон". Для непонятливых людей, я объясняю":

"это уборка двора, мытьё полов во всей больнице, кроме палат. Транспортировка белья в прачечную и обратно, мытьё котлов и посуды на кухне и многое другое".

"Ну, так что, ты готов послужить народу Израиля и стране. Или, ты предпочитаешь сидеть дома, пока всю корзину абсорбции не съедите". - Нет, ты не права, я, как пионер, всегда готов служить народу и стране, хоть прямо сейчас.

Ну, сейчас не надо: "а вот завтра ровно в 5-ть часов утра, ты должен стоять на главной улице Бейт-Элейзера, напротив, строящегося каньона. Как раз завтра, к нам в больницу, к 8-ми часам утра, приедет наш каблан. Возьми с собой Теудат Зеут, он запишет твои данные для себя и бухгалтерии. Перед этим я ему скажу, что ты мой сосед, и я тебя рекомендую. Он меня просил подыскать старательных работников, так что всё будет в полном порядке".

Завтра в указанное время и в указанном месте, меня подобрал микроавтобус, который был заполнен одними женщинами. Мест свободных не было, я остался стоять на ступеньках, около водителя. Водитель был араб, лет 35-40.

А по лицам женщин, я угадывал, из каких республик бывшего Союза, они приехали в Израиль. Да и возраст этих женщин колебался от 26-ти до 53 лет. Одна женщина даже предложила мне сесть к ней на колени, но я галантно отказался.

За разговорами и шутками, мы не заметили, как въехали в Петах-Тикву, и через 20-ть минут мы подъехали к больнице.

Там нас разбили по парам и только на вестибюль выделили пять человек. Время было, где-то 6.15 и мы должны были до прихода медперсонала всё закончить, то есть до 8 часов.

К этому времени, приехал наш каблан, который руководил набором и работой работников по уборке в нескольких больницах Петах-Тиквы и Кфар-Сабы. Они вместе с Фридой, моей соседкой, которая рекомендовала меня, подошли ко мне.

Каблан был молодой араб, лет 35-40. Фрида помогала переводить нашу беседу. Он попросил мой Теудат Зеут, спросил, сколько мне лет и согласен ли я работать. Затем он записал мои данные, и сказал:

"что тлуш маскорет он будет выдавать в конце месяца, а рабочую карточку он дал мне сразу. В этой карточке будет производиться учёт твоей работы. А остальное тебе объяснят другие работники".

Вот так я был принят на бладную работу, которую мне обещала Фрида. В 8.30 мы пошли в столовую, которая находилась на 3-ем этаже хозяйственного корпуса. Там нас накормили лёгким завтраком из молочных продуктов. Время завтрака полчаса. Стояли мы в общей очереди, но ели за отдельными столиками, в стороне от медперсонала.

Обед у нас был в 12 часов и тоже длился полчаса. В будущем, немного привыкнув и освоившись, мы старались занять очередь у дверей столовой за 5-10 минут до открытия. После открытия столовой, мы быстро набирали еду на поднос, садились за свои столики и старались быстрее поесть, чтобы осталось минут 10 свободных.

Если получалось, выходили на свежий воздух, садились в тенёчек и начинали травить, про будущую жизнь. Когда первый перерыв после завтрака кончился, меня направили мыть лестничные проёмы с самого верхнего этажа до нижнего. Я должен был их помыть до обеда.

После обеденного перерыва, я мыл керамические полы в крытых проёмах между корпусами больницы. Так как работу мы заканчивали в 14 часов, то за 15 минут до окончания мы должны были являться в мисрад, где по очереди сидели две наши начальницы. Мы подавали ей свою карточку, и если у ней не было к нам замечаний, то она ставила плюс против соответствующего числа и писала своё имя.

В конце месяца мы сдавали эти рабочие карточки каблану и он отдавал их в бухгалтерию.

תאריך	מקום עבודה	החברה	נמר	נמר	תאריך	מקום עבודה	החברה	נמר	נמר	תאריך	מקום עבודה	החברה	נמר	נמר	תאריך
16					16	שפירא					16	הנה			1
17					17	ריגה					17	הנה			2
18					18	ריגה					18	הנה			3
19					19						19				4
20					20	ריגה					20	הנה			5
21					21	ריגה					21	הנה			6
22					22	ריגה					22	הנה			7
23					23	למטה					23	הנה			8
24					24	ריגה					24	הנה			9
25					25	ריגה					25	הנה			10
26					26						26				11
27					27	ריגה					27	הנה			12
28					28	ריגה					28	הנה			13
29					29						29				14
30					30						30				15
31					31						31				16
						ס"ה						ס"ה			

508

תאריך	מקום עבודה	החברה	נמר	נמר	תאריך	מקום עבודה	החברה	נמר	נמר	תאריך	מקום עבודה	החברה	נמר	נמר	תאריך
16					16	למטה					16	הנה			1
17					17	ריגה					17	הנה			2
18					18	למטה					18	הנה			3
19					19	למטה					19	הנה			4
20					20	ריגה					20	הנה			5
21					21						21				6
22					22	ריגה					22	הנה			7
23					23	ריגה					23	הנה			8
24					24	ריגה					24	הנה			9
25					25	ריגה					25	הנה			10
26					26	ריגה					26	הנה			11
27					27	ריגה					27	הנה			12
28					28						28				13
29					29						29				14
30					30						30				15
31					31						31				16
						ס"ה						ס"ה			

508

Две рабочие карточки,
где плюсом отмечалась наша работа.

После этой процедуры, кто успевал помыть лицо и руки, а кто и нет, потому что все бежали к автобусу, который нас ждал за воротами больницы. Автобус отходил ровно в 14 часов 15 минут. В отличие от утреннего маленького микроавтобуса, это был большой автобус, правда, он имел неприглядный вид, так как был старого выпуска. Кроме нас, работников из Бейт-Элейзера и Ор-Акивы, в автобус садились и арабские работницы.

Водитель, конечно, был араб, так как он развозил этих работниц в три арабские деревни. Мы никакого страха или волнения не испытывали, потому что, ещё ничего не понимали. Мы тогда думали, что нет никакой разницы между израильским городом и арабской деревней, ведь это всё Израиль. Единственное, что поражало меня и других, так это грязь и неприглядный вид улиц и домов. Около автомастерских валялись десятки разбитых и разобранных машин. Людей на улице было мало, только стайки детишек проходили мимо нашего автобуса.

После 3-х арабских деревень мы заехали в Ор-Акиву и только потом приехали в Бейт-Элейзер. На дорогу домой у меня ушло более 2-х часов. Итак, каждый день, пока я работал в этой больнице, а проработал я там более 2,5 месяцев.

Наконец, 1.06.1994г. начал работать ульпан для пожилых. Мне повезло дважды, во-первых, что ульпан находился в Хадере, но близко к Бейт-Элейзеру. Во-вторых, что учёба начиналась в 5.30 вечера. Занимались, мы ивритом, 5-ть дней в неделю. Так, что я мог продолжать работать в больнице и успевал вечером в ульпан.

Продолжительность учёбы у нас была пять с половиной месяцев. Но проучился я всего четыре месяца, так как 2 октября устроился на работу, на предприятие "Амнир". Об этой работе я расскажу в дальнейшем.

Несмотря, на то, что я полтора месяца пропустил, я 15 ноября пришёл на выпускной экзамен и успешно сдал его. В результате мне вручили "Ишур", что я закончил ульпан "Алеф", согласно плана занятий министерства абсорбции.

משרד החינוך והתרבות
האגף לחינוך מבוגרים

אישור

ניתן למדת) 140 ק"מ

על השתתפות(ה) בלימודים באולפן/באולפנית

מ 16/94 עד 15/11/94

סה"כ שעות לימוד: _____

השם (שם/מח) של א למי תכנית הלימודים של האגף.

חתימת המורה: א. א. א. (16-1)

חתימת המנהל: א. א. א.

המקום אולפן הדירה יום יב בחודש כסלו שנה תשנ"ד

Справка об успешном окончании ульпана алеф.

Во время учёбы в ульпане, мы всей группой один раз съездили на экскурсию в Иерусалим. Впечатления об Иерусалиме, были у всей группы незабываемые. Сначала мы проехали автобусом по улицам города. Затем мы посетили музей катастрофы евреев Европы "Яд Вашем".

Я, как бывший малолетний узник гетто, испытывал, проходя по затемнённым залам музея боль и горечь, что такое могло быть со мной и моим народом. Но с другой стороны я понимал, что это больше никогда не повторится, пока существует государство Израиль.

Затем мы познакомились с израильским Кнессетом, а в конце мы посетили главную святыню еврейского народа "Стену Плача". После осмотра стены и прилегающей территории, вся группа вложила в расщелины Стены записки с самыми заветными своими пожеланиями. По секрету расскажу, что я написал, что желаю мира народу Израиля и удачной абсорбции моим детям и всем нам.

**Первая экскурсия в Иерусалим.
Я вкладываю заветную записку в "Стену Плача".**

**Первая экскурсия в Иерусалим.
Я с группой из ульпана сфотографированы на фоне
израильского Кнессета.**

Первые месяцы учёбы в ульпане я совмещал с ударной работой в больнице. За это время, к нам устроились ещё двое мужчин, приблизительно моего возраста. Одного, из них по имени Миша, я рекомендовал, он был из Бейт-Элейзера.

Втроём нам стало легче отбиваться от колкостей и насмешек женщин, во время поездок в автобусе. Нам часто меняли фронт работы, так я попадал в группу по уборке вестибюля. А после уборки, иногда оставляли дежурным по вестибюлю. В мои обязанности входило протирать стёкла на входных дверях, вытирать пыль с вазонов и листьев растений, собирать бумажки с пола, если их, кто-то ронял или, просто, бросал. Через, каждые полтора, два часа протирать увлажненной тряпкой пол вестибюля. Итак, до конца моего рабочего времени.

Ещё приходилось протирать мокрой тряпкой коридоры, которые вели к кабинетам врачей, которые осуществляли прием больных. Как в вестибюле, так и в

этих коридорах было всегда полно людей. Вообще то, я не стыдился своей работы, так как считал, что я делаю нужное дело, и всякая работа достойна уважения. Но всё-таки, там где было много людей я испытывал дискомфорт.

И моими любимыми участками работы были мытьё полов на лестничных клетках и керамические полы в проёмах между корпусами больницы, где почти не было людей.

Несмотря, на описанные мною события, в первые два месяца я воспринял Израиль с воодушевлением. Об этом говорит моя статья "Я вернулся на Родину", напечатанная мною 30.06.1994 года, в местной газете "Пульс". Это сырая, наивная, непрофессионально написанная статья, но всё-таки, точно, отображает, состояние моей души на тот период времени.

Поэтому я и хочу её вставить, такой, какой она была, в то время без всякой правки в мою работу.

Я ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ!

Вот уже прошла вторая неделя, как в жизни на своей древней земле. И я считаю, что много маршалам право поддаться сложившимся мыслям, которые приближали меня к этой земле.

Решения — это человеку глуповатому убеждению — что не знаешь на земле, где ты родился и прошёл свое детство, а земля, где ты не стыдишься своего происхождения, своих корней, своего народа, а просто говоришь — своего национализма. Еще раз повторю: родинкой могут называться только те земли, где ты находишься — своей национальностью, своим

образом жизни. Говорят, что каждый мыслящий человек чувствует прожить жизнь и оставить людей — ты след, оставить в себе. Это легко и естественно не в искусственно созданных, художникам, музыкантам — они умирают, но не умирают из предвзятости и мизантропии. Считаю, что и мы, простые смертные, не даром покинули свою землю, если смогли прийти к решению и выразить ее со своими семьями и детьми на Родину. Я считаю, что каждая семья должна вести диалог со дня приезда в Израиль, где должны быть приняты все члены семьи, включая и человека, которому принадлежат земля

так земля. И объединит нас наша маленькая земля, наша любовь к ней. Объединит нас наш общий общий мир. И мы все должны принять и знать, что нам больше нас на этой земле, тем лучше всем. Мы - братья, мы должны быть единым народом, мы должны дружить друг с другом. Бедный человек от богатого, но богатый человек от бедного. Мы должны от наших детей, которые с мигрантами в руках открывают наш мир. Мы, евреи, на этой земле должны дружить не только с своим братом, но и с братом государства.

Возможна и другая ситуация, которая бы называлась "Любовь к земле, к Родине".

С 1994 году мы служили в армии в Иерусалиме, и в те годы

заключили Натанштрафт еврейского еврейства. Потому должны знать, что достойна земля, и даже если смерть для евреев не Израиль — бесмысленна. Дать стране больше, чем мать, — вот к чему должны быть готовы.

Я искренно верю, перед администратором да то, что не более и притом они должны прекратить страну, за то, что в этих критических моменты отпустили ее возможности — честь им и слава.

Надеюсь, большинство из нас, репатриантов и тех, кто в последние годы, прибыл на землю ради хорошей жизни, но и потому, что там не безразлична судьба еврейского государства, и мы хотим внести свой вклад в его укрепление и защиту.

СЕМЕН КОЛПАКОВ,
г. Хадера - Вет. Элеватор.

"... мы станем единым народом, не сегодня, так"

Вот уже пошёл второй месяц, как я живу на своей древней земле. И я считаю, что имею моральное право поделиться своими мыслями, которые занимали меня последние годы.

Родина – по моему глубокому убеждению, это не то место на земле, где ты родился, и прошло твоё детство, а земля, где ты не стыдишься своего происхождения, своих родных, своего народа, а проще говоря, своей национальности.

Ещё раз повторяю: Родиной может называться только та земля, где ты гордишься своей национальностью, своим народом. Итак, после 2000 лет скитаний я вернулся на свою древнюю и обновлённую родину, где говорят на прекрасном и певучем языке, где вокруг большинство людей выглядят, как я.

Одной из основных причин, заставивших меня и многих других приехать сюда, явилась любовь и большая симпатия к государству Израиль.

Гражданин любой страны живёт полноценной жизнью лишь в том случае, если его волнуют проблемы того государства, в котором он живёт, если он активно участвует в общественной жизни страны, если он болеет душой за страну, за общество, чего не скажешь об евреях, живущих в диаспоре.

Государство Израиль имеет огромное значение для евреев всего мира. Благодаря его рождению, его становлению, его нелёгкой борьбе за независимость и выживание, большинство народов мира стали относиться с уважением к евреям. Очевидно, что уважения достоин лишь тот народ, который имеет своё государство, свою маленькую землю, свою пустыню, обогрённую кровью.

И самое главное, что еврейскую кровь больше нельзя проливать даром, как это было раньше, сейчас есть, кому защитить и отомстить за нас.

Говорят, что каждый мыслящий человек мечтает

прожить жизнь и оставить какой-то след, память о себе. Это легче и естественнее даётся талантливым писателям, художникам, музыкантам, они умирают, но не умирают их произведения и имена.

Считаю, что и мы простые смертные, недаром прожили свою жизнь, если смогли принять решение и возвратиться со своими семьями и детьми на Родину. Я считаю, что каждая семья должна вести дневник-родословную со дня приезда в Израиль, где должны быть записаны все члены семьи и наши предки, которых мы ещё помним. И, особенно, должен быть выделен человек, которому принадлежит решающая роль в приезде семьи в Израиль, потому что он вывел эту семью из морального рабства, как когда то Моисей вывёл евреев из Египта. В этом дневнике-родословной, кроме краткой характеристики всех членов семьи и предков, можно записать причины, заставившие вас выехать из страны исхода, а также, что понравилось и что бы вы хотели изменить в стране.

С юных лет мы должны воспитывать детей и внуков в семье и в школе, на работе, везде и всюду в любви к земле, родине, народу и государству, которое досталось нам такой дорогой ценой. Все мы здесь родные: ашкеназы, сефарды, тёмные и светлые. И культура и ментальность, конечно, разные, но мне лично нравятся эти разные, симпатичные лица.

Да, я верю, мы станем единым народом, не сегодня, так завтра. И объединит нас, наша маленькая земля, наша любовь к ней. Объединит нас наш звучный, сочный иврит.

И мы все должны помнить и знать, что чем больше нас на этой земле, тем лучше всем. Мы братья, мы должны быть единым народом, мы зависим друг от друга. Бедный зависит от богатого, но и богатый зависит от бедного.

Мы зависим полностью от наших детей и внуков, которые с винтовками в руках охраняют наш покой.

Мы евреи, на этой земле должны думать не только о

своём благополучии, но и о благе государства. В школах необходимо ввести предмет, который бы назывался "Любовь к земле, к Родине".

2000 лет мы служили, верой и правдой, народам всего мира, и в награду получили Катастрофу европейского еврейства.

Потому, мы должны понимать, что достойная жизнь, и даже сама смерть, для гордого еврея, вне Израиля бессмысленна.

Дать стране больше, чем взять, вот к чему мы должны быть готовы. Я преклоняюсь перед израильтянами за то, что из болот и пустыни они создали прекрасную страну, за то, что в кровопролитных войнах отстаивали её независимость, честь им и хвала.

Надеюсь, большинство из нас, репатриировавшихся в последние годы, прибыли не только ради хорошей жизни, но и потому, что нам не безразлична судьба еврейского государства, и мы хотим вносить свою лепту в его строительство и защиту.

После появления этой статьи в местной газете, я спокойно продолжал работать в больнице, так как работники, которые со мной работали, не очень читали местную прессу. В это время им было не до газет, очень уставали, да и проблем было много, которые нужно было решать.

Только, зубной врач, которая снимала квартиру для своего кабинета, по соседству с моей квартирой, высказала свое мнение моей жене. Послушай, Света, я прочитала в газете "Пульс" статью, которую написал твой муж. Единственное, что я тебе скажу: "мне было бы очень интересно поговорить с ним через два, или три года, что он тогда запоёт".

Это, пожалуй, была единственная рецензия на крик моей души. Дальше, продолжу свой рассказ о работе в больнице.

Проходил день за днём, наступил месяц июль, на улице, как обычно, в это время в Израиле, была дикая

жара. Один день работы, отличался от другого дня, только участком. Каждый день, с шести часов до восьми, то есть до прихода медперсонала мы выполняли одну и ту же работу, на закреплённом за нами участке. А вот после лёгкого завтрака, нас делили на группы и посылали на разные работы. Так в один из дней мы мыли окна во всех коридорах больницы. А на другой день, мы мыли те же окна только со стороны двора.

За качеством нашей работы, а также, чтобы мы не устраивали частые перерывы, бдительно следили две наши начальницы. Одна из них была израильянка, и звали её Заава, а вторая была олимпка, которая неплохо говорила на иврите, и звали её Рима. Заава была постарше, а вот Риме было лет 35-38. Они обе, конечно, каждая в отдельности, появлялись внезапно и в самое, неподходящее время.

Особенно старалась олимпка, любила учить, каждого из нас, как правильно одевать тряпку на швабру. Я до сих пор, когда мою пол в квартире, одеваю тряпку, как меня учили.

Но всё же, как я писал раньше, мы ухитрились выкроить после завтрака и обеда 10-15 минут. Тогда мы собирались компанией и рассуждали про жизнь настоящую и будущую.

Состав работников никайона в больнице, состоял в основном из бывшей доблестной советской интеллигенции. Среди нас были инженеры, учителя, бухгалтеры, экономисты и даже один главный инженер строительного управления, правда, в солидном возрасте. Этому главному инженеру было доверено, на тележке, развозить грязное бельё из палат в прачечную и чистое бельё обратно в палаты.

Это я всё рассказываю к тому, что разговоры, на наших коротких посиделках, были довольно серьёзные. Например, мы обсуждали тему, кому повезёт в будущей жизни и что надо, чтобы преуспеть. Одни, говорили, что в новой стране преуспеть без знания языка это очень трудно. На, что одна мудрая женщина, ответила, главное с каким багажом Вы приехали в Израиль.

Для непонятливых объясняю, если Вы приехали в страну с позитивом, Вам Израиль обязательно ответит тем же. Если же с негативом, то есть если Вы нытик, вам здесь делать нечего.

Меня спросили, зачем я пошёл в ульпан, неужели в моём возрасте я смогу настолько изучить иврит, что смогу устроиться работать по специальности. Подумав, я ответил в Николаеве, откуда я приехал, я многим говорил, что мне достаточно будет 2-х лет, чтобы овладеть ивритом. Но уже здесь, после того, как в страну приехало больше миллиона олимпов, и мы с вами говорим на русском, я понял, что глубоко заблуждался.

И, тем не менее, учить иврит для меня, просто, большое удовольствие. Философские темы мы оставляли на автобус, когда возвращались обратно, потому, что времени, для того, чтобы добраться домой уходило более 2-х часов.

Утром мы ехали, в основном молча, так как многие из нас досыпали, и времени было меньше, так как ехали прямо в Петах-Тиква и за час добирались до больницы.

Однажды, когда возвращались домой, кто-то затеял разговор, что вот некоторые семьи и в основном молодёжь возвращаются в Россию, а некоторые уезжают в Америку, Австралию, Канаду и.т.д.

И мне очень интересно было послушать мнение простых людей на эту болезную тему. Согласитесь со мной, что человеку, который равнодушен и переживает за страну, очень больно слушать про это явление. Возможно на моё отношение к Израилю и к вопросу отъезда из страны молодёжи, повлияло, что я в детстве пережил ужасы гетто.

А люди начали рассказывать разные случаи. Одна женщина рассказала, что у неё есть знакомая пара, им лет по 70. Они приехали из Мурманска, он был там военным юристом высокого ранга, она начальница планового отдела. Приехали они в Израиль с семьёй младшего сына. Семья старшей дочери живёт в Германии.

Пожив, года три в Израиле, сын компьютерщик по специальности, объявил родителям, что здесь в стране ему мало платят. Что он достоин намного большего. И он решил с женой и детьми уехать в Канаду. О родителях, речь, конечно, не шла, и они остались одни, на старости лет.

Очень многие, молодые, поступают именно так, сами улетают в неведомые страны, а своих старых родителей оставляют в подарок государству Израиль.

Я как то спросила эту пару, после отъезда сына с семьёй в Канаду:

"Скажите, пожалуйста, как же так получилось, что вы такие высокообразованные люди, так плохо воспитали своих детей, что ваши дети оставили вас на старости лет, совершенно одних".

-Мужчина молчал, а женщина ответила мне: "ведь я "аидыше" мама, главное, чтобы им было хорошо, а мы пока вдвоём нам и чёрт не страшен". Но вы, ведь не вечно будете вдвоём: "надо постараться уйти одновременно".

Месяца через два к ним в гости приехала дочка из Германии, погостила пару недель, и уехала обратно.

Ровно через два года аидыше мама ушла из жизни. Муж ходил, как одинокий волк, долгими месяцами в одной и той же нестиранной рубашке. Как то подошла к нему и спросила: "почему вы не переоденетесь, у вас же есть и другие рубашки: "это меня сейчас не волнует. Потом он мне рассказал, что сын, иногда, звонил после отъезда. И я разговаривал с ним, а жена ни подходила к телефону, она скучала по сыну и внукам. И была в душе очень на него обижена". Вот такую невесёлую историю рассказала эта женщина.

Другая женщина сказала, что вы хотите Израиль, действительно, очень маленькая страна, достойной работы мало, и, вообще, трудно устроиться на любую работу. В Израиле хорошо пионерам и пенсионерам. А молодёжи приходится очень трудно, не позавидуешь.

А, Миша мой знакомый, которого я рекомендовал на работу, сказал, поймите, мы живём в свободной стране, у нас нет железного занавеса. Поэтому можно приезжать и уезжать. И, вообще, в Америке живёт половина Италии и Ирландии. И из России сейчас уезжают десятки тысяч человек в другие страны. И, как говорят, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. И ещё говорят, еврейю хорошо только в дороге.

И тут одна женщина обратилась ко мне и говорит, а ты чего Сёма, молчишь всю дорогу. Хорошо я выскажу своё мнение на эту тему. Израиль нельзя сравнивать ни с одной из вышеназванных стран, этим странам никто не угрожает стереть их с лица земли. И молодёжь, конечно, не знает и не помнит ужасов катастрофы, постигший наш народ. И если это явление примет, не дай бог, массовый характер, у страны не будет будущего. Говорят, что одно из самых больших чудес в 20-ом веке, это создание государства Израиль. Но второго чуда, может не быть. За разговором мы не заметили, как приехали в Бейт-Элейзер.

Мы вышли из автобуса, попрощались с водителем и разошлись по домам. На следующий день, а это были последние дни июля, мы продолжали работать по обычному графику в обычном ритме.

Только я забыл рассказать, что за июнь и июль 1994г., мы участвовали в двух забастовках. Бастовал вспомогательно-хозяйственный персонал нескольких больниц центра страны. Нас привезли, как обычно, рано утром и приказали не начинать работу. Никто толком нам не объяснил, зачем и почему мы бастуем. В конце нашего рабочего дня, слава богу, нас увезли домой. По, правде, говоря мы даже не надеялись, думали водитель тоже бастует. За дни забастовки, денег нам не платили. Благо, что эти забастовки длились не больше одного дня.

В первой декаде августа, после обеда я мыл лестницы в коридорах. Где то в час дня, меня позвали в наш мисрад. Там в этот день дежурила Рима. Она мне сказала, что приезжает, какой то крупный начальник и надо в течение получаса, помыть пол, принести ещё

стулья, везде вытереть пыль, особенно на тумбочках и шкафах в мисраде. Я ей сказал, что за это время я не смогу это всё сделать. Раз, ты мне перечишь, я не поставлю крестик в рабочую карточку и тебе этот день, не будет засчитан.

У меня с утра болела голова, настроение целый день было неважное и я, не выдержав, послал её, и очевидно, не близко. Лицо у неё покраснело, глаза стали выпученные, и она стала шипеть, как змея: "ты, старый пень, хулиган ненормальный, да ты знаешь, что я с тобой сделаю. Во-первых, чтобы я тебя больше не видела в своём отделении. Во - вторых, ты запомнишь меня и этот день до конца своей жизни". При этом она сняла телефонную трубку и стала на иврите, кому то звонить.

Я вышел на улицу и сел на стул, который стоял у двери мисрада. Мне было мучительно больно и стыдно, что я не выдержал и так поступил. Ведь, несмотря на то, кто прав или неправ, она всё же женщина. И я понимал, что во всём виноват мой вспыльчивый характер. Но заставить себя пойти извиниться, я не смог.

Пока я сидел и горько размышлял в мисрад вошли два молодых охранника. Вскоре они вышли, подошли ко мне и спросили у меня фамилию и имя. Я ответил и они сказали: "вот ты - то нам и нужен, пошли с нами". Они привели меня в мисрад, который находился в вестибюле.

Так как я уже два месяца посещал ульпан кое, что я уже понимал. Да и они меня наглядно знали, так как я часто убирал и дежурил в вестибюле и мельтешил перед ними. Они стали задавать мне вопросы, я старался, как мог на них отвечать. Вопросы были, что-то вроде, ударил ли я её, покушался ли я на её жизнь. Я старался ответить, что я стоял у двери, она сидела за столом в другом конце комнаты. Поэтому об ударах и речи быть не может. Но мой изысканный иврит они, к моему сожалению, понимали с большим трудом. С одной стороны, они как будто бы, сочувствовали мне, а с другой стороны у них была мысль, чтобы не ломать свою голову и не возиться со мной, сдать меня в миштару. Потому, что несколько раз, я слышал слово миштара.

И тут на моё счастье, около открытой двери, проходил старший медбрат, который говорил на русском языке. Я с ним несколько раз говорил, к великому сожалению не помню его имени. Я его позвал, коротко рассказал ему свою историю и попросил помочь мне. Он переговорил с охранниками, минут семь-восемь. Потом он сказал, пошли отсюда, пока они не передумали.

Потом мы остановились в укромном уголке, присели на диван. В общем: "можешь радоваться, я тебя отмазал. Скажи, пожалуйста, где сейчас ты живёшь?"- Живу в Бейт-Элейзере, это пригород Хадеры. И, позволь, тебя спросить: "зачем ты едешь из Хадеры в Петах-Тикву мыть полы? Неужели, не хватает полов в Бейт-Элейзере ну, в крайнем случае, в Хадере". Если хочешь знать правду, только не смейся, я это делаю не только ради денег. В мае я заработал 277ш, в июне-637ш., а за последний месяц июль-1041ш. Так, что видишь, деньги совсем не большие. – "Так, ради чего я не понял". - Я езжу из Хадеры в больницу в Петах-Тикве, потому, что другую работу мне пока никто не предложил, а просто сидеть дома, и ничего не делать я не могу, просто не привык. Но, я с тобою полностью согласен, большое тебе спасибо за моё спасение.

Я, быстро побежал к остановке, где обычно стоял автобус, который развозил нас по домам. Я опаздывал уже на десять минут, но к моему удивлению, автобус ещё стоял. Все были на своих местах, кроме меня. Как только я зашёл в автобус, он тронулся.

Все женщины уже были в курсе моего конфликта, так как в конце работы, когда они отмечали свои рабочие карточки, Рима не жалея красок, обрисовала моё хулиганское поведение. Несмотря на этот рассказ, все недолюбливали её и жалели меня. Они стали уговаривать меня, чтобы я не сдавался, и что они все вместе защитят меня.

Я их от души поблагодарил, но именно в эти минуты я принял твёрдое решение, раз и навсегда покончить с "половой жизнью" в этой больнице. Когда мы приехали домой, я со всеми тепло распрощался и вышел из автобуса.

Глава 6. Абсорбция семьи сына в кибуце.

Теперь пришло время вспомнить о своих детях. Семья моего сына, прожила с нами, со дня приезда в страну, около 2,5 месяцев. То есть, около месяца мы прожили вместе в квартире моей сестры и полтора месяца на съёмной квартире. Этого времени было вполне достаточно, чтобы они, да и мы вместе с ними чётко поняли, чтобы сохранить тёплые отношения между нами, необходимо, как можно скорее, разбежаться.

Такая возможность подвернулась в первой половине июля. С первого дня приезда в страну, они мечтали попасть в кибуц "Мааган Михаэль", так как этот кибуц осуществлял абсорбцию молодых репатриантов, согласно проекту "Первый дом на Родине". И, кроме того, в этом кибуце жила и работала моя старшая племянница Линочка, со своим мужем кибуцником.

Но для того, чтобы туда попасть, нужно было время для оформления документов и вдобавок пройти конкурс. Они заполнили анкеты и другие документы и отослали их в министерство абсорбции, в специальный отдел, который ведал этими проектами. С другой стороны, Линочка рекомендовала их кибуцному руководству.

Общими усилиями вопрос был решён положительно и ориентировочно, 10 июля 1994 года они переехали в кибуц. Благо, вещей у них было совсем мало, поэтому переезд был лёгким.

В кибуце был для них приготовлен деревянный караван, со всей необходимой мебелью. Караван состоял из двух небольших спален и салона. В углу салона, была маленькая американская кухонька, был даже душ и туалет. К каравану было подведено электричество и вода. На кухне была электрическая плитка с 2-мя конфорками, а в шкафчике лежало несколько кастрюль, сковородка, тарелки, ложки и вилки. А также один кондиционер в салоне, а также, что очень важно, сетки на окнах.

В общем, для молодой пары с одним ребёнком, это была просто мечта, конечно, если бы не жара и комары. Но преимуществ в этом проекте было намного больше, чем недостатков.

Да, чуть не забыл рассказать, что кибуц "Мааган Михаэль" расположен недалеко от Хадеры, напротив Зихрон Якова. От кибуца до Средиземного моря километра 1,5-2. Также недалеко от караванов находился большой, современный плавательный бассейн. А сам кибуц утопал в зелени, а в центре кибуца стояло большое здание, где была общая столовая для кибуцников.

В одну из суббот, мы попросили знакомую соседку остаться с мамой жены, и это дало нам возможность, в первый раз приехать в гости к сыну. Сын с внуком, встретили нас у входных ворот, где сидел охранник. Они подошли к нам, мы расцеловались, я взял внука на руки и мы вошли на территорию кибуца.

Мы шли по главной аллее, по бокам дороги росли великолепные пальмы. А за пальмами были видны аккуратные, одноэтажные домики. Мы подошли к небольшому озеру, возле, которого за огороженным забором разгуливали разные экзотические животные. Это был кибуцный зоопарк, специально созданный для детишек.

И совсем недалеко мы увидели караваны. Ромочка побежал вперёд и показал нам караван, где он живёт с мамой и папой. Там в открытой двери, нас встречала жена нашего сына. Караван произвёл на нас благоприятное впечатление. Мы походили по всем комнатам, заглянули в каждый уголок и пришли к выводу, что жить можно.

Так как мы приехали рано и дома не позавтракали, сын предложил нам, что он сделает нам, что-то вкусное, на мангале.

Я его в это время сфотографировал. Мы с женой на, быструю руку, поели, а затем стали фотографироваться. Сначала мы сфотографировались внутри каравана, а затем мы продолжили снаружи, около каравана.

Первое посещение семьи сына в кибуце "Маган Михаэль".
1.внутри каравана, я и семья сына.
2.Сын Саша за приготовлением блюда.
3. Сын и его жена, Саша и Элла

Затем мы все вместе погуляли по кибуцу, дети наши были экскурсоводами. Спустя, некоторое время, мы решили зайти в гости к нашей старшей племяннице, Линочке, которая жила недалеко от караванов. У Линочки с мужем был отдельный домик. У них росла девочка, Этель, которой исполнилось 1год и 2 месяца. Они были членами кибуца, и уровень жизни их был неплохой.

Так, как дело близилось к обеду, мы приняли решение, все вместе пойти в столовую на обед. Но перед тем, как зайти в столовую, мой сын решил сделать ещё пару снимков.

- 1.Моя жена Света, внук Ромочка и невестка Элла.**
- 2.Моя жена Света с внуком на руках.**

Гости в те годы, независимо от их количества, имели право кушать в столовой, так же, как и члены кибуца бесплатно. Мы с женой, первый раз в жизни, попали на обед в кибуц.

Не хватит красок и места, чтобы описать наш восторг и удивление. Так удивляться можно только один раз. Огромный, просторный зал, в котором были расставлены аккуратно столики. Если приходила большая семья, или семья с гостями, столики можно было сдвигать вместе. В одном углу, подальше от столов, находился стол раздачи блюд. Каждый брал большой поднос, и начинал двигаться. Сначала шли салаты, их количество и названия я до сих пор не знаю. Два или три вида жидкого, второе четыре вида, затем сладкое, молоко, кофе, чай.

А в другом углу зала, стояли две бочки, одна с вином, другая с пивом. Каждый, кто хотел, мог налить себе стакан вина или бокал пива. И самое главное, что нас удивило, что там никакой очереди не было. Тем более, за весь обед, туда подошло человек семь, восемь. Я спросил Линочку, эти бочки каждый день стоят? Она ответила, нет, только по субботам и иногда в пятницу.

И ещё я заметил, что полные подносы были только у нас и у других гостей. А кибуцники брали сравнительно мало еды. Как мы не старались, мы смогли съесть только половину из того, что набрали. Остальное пришлось выбросить в специальный бак. Подносы с тарелками мы отнесли на конвейер, который двигался в сторону кухни, где дежурные, члены кибуца, сортировали и мыли посуду.

Еле, встав со стола, мы вышли на воздух. Линочка и её муж поспешили домой, так как малышка начала капризничать. Мы снова погуляли по кибуцу, стараясь придерживаться теневой стороны аллеи. К морю, на этот раз мы не пошли, так было очень жарко.

Дети, показали нам плавательный бассейн, но искупаться мы не рискнули, так как мы не прихватили с собой купальных принадлежностей. Бассейн находился недалеко от каравана, где они жили.

Мы изрядно подустали, да и время было возвращаться к нашей бабушке, поэтому мы решили на ужин не оставаться. Хотя дети нас уговаривали, да и сами мы были не прочь, побаловать себя изысканной едой. Но я попросил сына, позвонить Линочке, чтобы она уговорила своего мужа отвести нас домой. Вскоре он позвонил, и сказал, чтобы мы подошли к стоянке, где стоят кибуцные машины.

Мы пришли туда все вместе, а там он уже поджидал нас, сидя за рулём в лёгковой машине. Мы тепло распрощались с детьми и сели в машину.

Через час мы уже были дома. Мы поблагодарили мужа племянницы и вошли в наш дом, где нас ждала бабушка с соседкой. Всё было в порядке, только наша бабушка немного скучала и спрашивала, куда девалась моя дочь. Соседка пыталась ей объяснить, что она поехала проведать своего внука.

Приблизительно, через неделю позвонил нам сын из кибуца и сказал, что на днях он собирается поехать в Хайфу, в комиссию по подтверждению дипломов. Не желаю ли я поехать вместе с ним, чтобы подтвердить и наши дипломы инженеров.

Почему бы нет, ведь мы с тобой ещё не видели Хайфу, сделаем сразу два полезных дела, во-первых, подтвердим наши дипломы, а во вторых погуляем и познакомимся с Хайфой.

Так мы и сделали, познакомились с портовым городом, а затем мы зашли в комиссию министерства образования и культуры и нам выдали справки, в которых подтверждается, что мы являемся обладателями второй академической степени.

מדינת ישראל
משרד החינוך והתרבות
הוועדה להערכת תארים ודיפלומות אקדמיים מחו"ל

אישור

אנו מאשרים בזה כי תעודה מס' 694423

שניתנה

למרגבי קויפמן	סכטלנה
מספר זהווי 312054380	בתאריך 23/06/64
עיי המכון להנדסה ימית	בארץ ברית המועצות
בעיר אודסה	בתחום התמחות
הנדסת מכונות במגמת כלי שיט	
שקילה לתואר שני	מבין התארים האקדמיים הנהוגים בישראל

אישור זה ניתן לצורך דירוג בשכר בלבד.

האישור מקנה למחויקה/ה בו זכויות והטבות שכר הניתנות לבעלי תואר אקדמי כגיל.

הערכה זו אינה נורעת מזכויותיו של מוסד אקדמי בישראל, עפ"י חוק המועצה להשכלה גבוהה, תשי"ח - 1958, בכל הנוגע לקבלת תלמידים ולהערכת תעודותיהם.

הערכה זאת אינה נורעת גם מזכויות הרשויות המוססכות כמדינה, בכל הנוגע להענקת רשיון לעסוק במקצוע.

נירה זור-ארייה
מנהלת המחלקה להערכת
תארים ודיפלומות מחו"ל

ירושלים, 27/07/94
מס' האישור 158972

1.Справка на Койфман Светлану, что она окончила Одесский водный институт.

Моя жена Койфман Светлана в 1957 году поступила в Одесский институт инженеров морского флота и в 1964 году окончила полный курс института, по специальности судовые машины и механизмы. И ей присвоена квалификация инженера-механика.

מדינת ישראל
משרד החינוך והתרבות
הוועדה להערכת תארים ודיפלומות אקדמיים מחו"ל

אישור

אנו מאשרים בזה כי תעודה מס' 980811

שניתנה

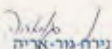
למרב/נבי קוויממן	מספר זהווי	312054349
מס' 20/06/66 בתאריך	ע"י המכון הפוליטכני	
בארץ ברית המועצות	בעיר אודסה	
	בתחום התמחות	
	הנדסת מכונות	
מבין התארים האקדמיים הנהוגים בישראל	שנ' 1	שקילה לתואר

אישור זה ניתן לצורך דירוג בשכר בלבד.

האישור מקנה למחויק/ת בו זמניות והטבות שכר הניתנות לבעלי תואר אקדמי כני"ל.

הערכה זו אינה נורעת מוכוונותו של מוסד אקדמי בישראל, עפ"י חוק המועצה להשכלה גבוהה, תשי"ח - 1958, בכל הנוגע לקבלת תלמידים ולהערכת תעודותיהם.

הערכה זאת אינה נורעת גם מוכוונות הרשויות המוסמכות כסדינה, בכל הנוגע להענקת רישיון לעסוק במקצוע.

נירה-נור-אריה
מנהלת המחלקה להערכת
תארים ודיפלומות מחו"ל

ירושלים,
מס' האישור 27/07/94
158973

Справка на Койфмана Семёна, что он окончил Одесский политехнический институт.

Я, Койфман Семён в том же 1957 году поступил в Одесский политехнический институт и закончил его в 1966 году по специальности технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты. И мне также была присвоена квалификация инженера - механика.

А, почему я проучился девять лет, это потому, что в том

же 1957 году я был призван в ряды Советской Армии и был демобилизован в 1960 году, после чего продолжил учёбу.

Теперь я хочу вернуться и продолжить свой рассказ, про жизнь и абсорбцию своих детей в кибуце. Во-первых, с первых дней жизни в кибуце они продолжили учёбу в ульпане, которую начали ещё в Хадере. Занятия в ульпане начинались после обеда.

Мой сын начал работать на заводе "Глассон". Работа начиналась в 6 часов утра, затем обед. После обеда, все участники "проекта", приходили в ульпан заниматься ивритом.

Эллу, в первый месяц, освободили, от работы, для того, чтобы она могла быть вместе с Ромочкой в кибуцном садике. Дело, ведь в том, что Ромочке в ту пору было 3 годика и 11 месяцев, ульпанов он не посещал, поэтому иврит он совершенно не понимал.

Первую неделю Ромик посещал садик вместе с мамой, и Элла находилась там с утра до вечера. Элла в отличие от Ромочки уже проучилась два месяца в ульпане в Хадере, и что-то уже соображала на иврите. Во-первых, она старалась познакомить Рому ближе с воспитательницами, вовлекала его в игры с ребятами, которые посещали садик. Она старалась объяснить Роме основные понятия на иврите, а также название каждой игрушки. Остальные три недели Элла приходила в садик уже на полдня, а после обеда она стала посещать ульпан вместе с Сашей. В ульпане занималось в ту пору человек 25-ть, Саша с Эллой в то время, были единственной семейной парой. Остальные были молодые ребята и девушки из самых разных стран.

Ученики ульпана, очень быстро и хорошо осваивали иврит, так как все были молоды и вокруг разговаривали только на иврите. Но лучше всех впитывал иврит наш внучок Ромочка. Так как-то, через пару недель, позвонила

бабушка и сказала Ромочке: "приезжай к бабушке в гости, я спекла для тебя пирог". А он ответил: "ани ло роцэ уга", - и бабушка вынуждена была спросить у меня, что ей ответил внук.

Незаметно прошёл месяц, как семья моего сына переехала в кибуц, а самое главное моему внуку 10.08.1994 года исполнилось ровно четыре года. Это был первый его день рождения в Израиле.

Итак, как семья сына была единственной олимовской семьёй в кибуце в это время, руководители детского садика решили устроить целый праздник для Роминого дня рождения.

Для празднования выделили кибуцный мадон (клуб), разукрасили его, в столовой испекли пироги и торт. Были приглашены вся Ромина группа из детского садика, и даже некоторые родители и несколько членов правления кибуца.

Детишки поздравляли его и преподносили разные подарки, сделанные своими руками.

**1. Папа и мама поздравляют сынишку с первым днём рождения в Израиле.
2. Ромочке желают мазал тов.**

3. Мама и Рома смотрят на торт, который нужно разделить на всех.

А родители, на день рождения, купили Ромочке великолепный детский велосипед. Первые дни после дня рождения, приходя из садика, он садился на свой новый велосипед и до самой темноты катался на нём. Он долго говорил, что у него самый лучший и красивый велосипед в кибуце.

Рома и велосипед, сзади виднеются караваны.

- 1. Ромочка на велосипеде около своего каравана.**
- 2. Ромочка внутри каравана.**

Ромочка продолжал ходить в детский садик, но оставался один без мамы, он подружился и охотно играл с детишками. Он всё понимал, что говорят ему воспитательницы и дети.

Так, как детский садик находился недалеко от караванов, он, иногда, возвращался домой один. А дорога проходила около зоопарка, дети могли туда заходить. И вот, однажды, возвращаясь, домой из садика, он зашёл на территорию зоопарка. Там бегали кролики, он взял одного на руки и начал с ним гулять. Он любил и до сих пор любит животных, насекомых и всякую живность. И, вдруг, ему пришла в голову мысль, проверить умеет ли кролик плавать. Так как в зоопарке был небольшой пруд, он туда его поднёс и положил его на воду. Кролик испугался воды, стал барахтаться и вырвался у него из рук и стал удаляться от него. Вдруг он неожиданно ушёл под воду и больше не появлялся на поверхности воды. Бедный Ромка стал громко плакать, но никого близко не было и некому было ему помочь.

Он пришёл домой заплаканный и долго не мог толком ничего рассказать. Только через час он немного успокоился и рассказал родителям о том, что случилось, и долго не мог уснуть.

Ещё был с Ромкой такой случай, однажды, когда дверь каравана была открыта, в салон заполз ёжик. Он стал ползать по полу и побежал в сторону Ромкиных игрушек, Ромка подошёл к нему и говорит: "лех ми по кипод (уходи отсюда ёжик)", а мама ему говорит: "Рома, почему ты с ёжиком говоришь на иврите, ведь мы дома говорим на русском". - Мама, как ты не понимаешь, ведь ёжик живёт в Израиле, поэтому русский он не знает, так же, как и мои друзья в садике.

После того, как прошёл месяц, Элла перестала ходить с Ромкой в садик. Она вышла на работу, на завод "Плассон", это тот самый завод, где работал её муж. Им подарили старые, но в довольно хорошем состоянии велосипеды и они за короткое время добирались до завода.

Но я хочу напомнить, что утром они ездили на работу в отдельности. Саша начинал работу в 6 часов утра, а Элла в 8 часов.

Элла, начинала работать позже, чтобы иметь возможность отвести Ромку в садик. Саша зарабатывал 1800-1900ш, а Элла 1200ш.

Но не надо забывать, что они работали по полдня, и у них не было опыта. Но на руки у них оставалось только на мелкие расходы. А все остальные деньги уходили в кибуцную кассу.

Это была плата: за караван, за еду в столовой, за стирку в прачечной и многие другие услуги.

Элла, проработала на заводе около года, и на какой-то операции, сорвала спину. После того, как она подлечилась и пришла в себя, её перевели нянечкой в детский садик, куда ходил Ромка.

Не редко, приходилось дежурить в столовой, как и все остальные члены кибуца. Саша проработал на кибуцном заводе около 10-ти месяцев. Весной 1995 года они вдвоём закончили улыпан.

В конце апреля того же года, Саша со своим другом, по Клайпеде, Мишей Кайковым, решили поступить в школу морских офицеров, которая находилась в городе Акко. Это было, что-то близко к его специальности, так как наш сын окончил Николаевский кораблестроительный институт.

А Миша Кайков, который прилетел с Сашей в Израиль в один и тот же день, жил тоже в кибуце, но где-то на юге. Они вдвоём, сдали легко вступительные экзамены и прошли по конкурсу.

Эта школа готовила третьих механиков на суда израильского торгового флота. С первых дней мая началась учёба.

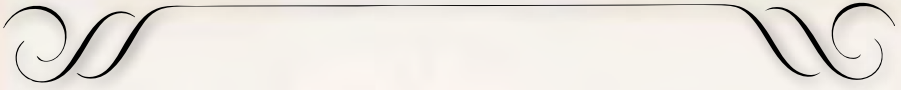
Саша добирался из кибуца до школы в Акко с пересадками, и было очень неудобно. Это продолжалось около 3-х недель, пока мы с женой не вселились в купленную нами квартиру в Кирьят-Хаиме.

После этого, Саша переехал к нам и добирался в Акко, поездом, это было намного быстрее и легче. Домой в кибуц он ездил на выходные.

Окончил он школу морских офицеров в феврале 1996 года. В общей сложности, они прожили в кибуце около 2-х лет. Выбрались они из кибуца летом 1996 года.

Два года, прожитых ими в кибуце, явились для них прекрасной стартовой площадкой, для вхождения их в новую жизнь. Они спокойно осмотрелись вокруг, привыкли к стране, а главное, они и вместе с ними Ромочка, нормально заговорили на иврите.

Слава и большое спасибо, всем людям кибуца "Мааган-Михаэль", а также проекту "Первый дом на Родине", за полезное дело, которое они сделали для молодых олимов и страны.

Глава 7. Свадьба племянницы, Светочки.

После описания абсорбции моих детей в кибуце, я расскажу о свадьбе моей младшей племянницы Светочки.

Света познакомилась со своим женихом в Гиват Шмуэле, куда её семья приехала после прилёта в Израиль. В этом городке, далёкие родственники, сняли им квартиру. Я вспоминаю, что сестра мне рассказывала, что их удивило, что когда они впервые вошли в квартиру и открыли холодильник, он был полностью загружен продуктами.

По соседству в другом доме жила семья Саши Азимова. Они, как то встретились со Светой и познакомились. Света сразу понравилась ему, он прямо прикипел к ней.

Саша был старше Светы года на два, когда он ушёл служить в Цахал, Света ещё продолжала учиться в школе. Но они продолжали звонить друг другу и встречались, когда Саша приезжал на выходные из армии.

Когда Светочка окончила школу в июне, несмотря на то, что Саша продолжал служить в армии он предложил ей руку и сердце.

Свадьба состоялась 21 июля 1994 года, в уламе Гиват Шмуэле.

Я вынужден был поехать на свадьбу один без жены, потому что, она осталась с больной матерью. Сын с невесткой приехали на свадьбу с Линочкой и её мужем.

Это была моя первая свадьба в Израиле, так как шёл всего лишь третий месяц моего пребывания в стране.

Во-первых, на меня произвело впечатление сам зал, его огромные размеры, большой красивый фонтан и экзотические растения вокруг него. Большое количество нарядных людей, богатый шведский стол, великолепный оркестр в глубине зала.

При входе в зал мы поздравили молодых, Светочку и Сашу, мою сестру и Сашиных родителей. После поздравлений, каждый гость вручал молодым свои подарки.

Особенно мне запомнилась хупа, так как этот еврейский обряд я видел впервые в жизни. Затем мы расселись группами за накрытыми столами.

Я не знаю, как это произошло, но я очутился за столом с семьёй моего двоюродного брата, Бори Койфман. Мы не виделись с ним более двадцати лет но, к моему большому сожалению, это был единственный раз, когда мы встретились в Израиле. Не знаю, кто виноват, но после свадьбы мы больше не виделись и не общались.

Сын Саша и его жена Элла, сидели за столом с Линочкой и её мужем.

Саша Азимов и его семья приехали из Баку, как обычно, у них очень много родственников. Все шумели, пели и танцевали. В общем, еврейская свадьба пела и плясала, и вино лилось рекой.

Молодожёны, Света и Саша подходили к каждому столу и фотографировались с гостями на долгую память. И эти фотографии дают мне возможность показать Вам людей, которые не раз упоминались в этой книге.

После окончания очередного танца и когда оркестр немного умолк, чтобы передохнуть, Саша со Светочкой снова стали обходить столики гостей.

В один из моментов, они подошли к столу с фотографом, где сидели мои дети и старшая моя племянница.

**Справа налево, стоят:
Элла жена моего сына, молодожёны, Саша и Света
Азимовы, семья Илюши, это знакомый семьи моей
сестры ещё по Единцам, крайняя слева старшая
сестра невесты Линочка.**

**Сидят справа налево:
Саша мой сын, муж Линочки и его отец.**

Наконец, подошла и наша очередь, Светочка с Сашей вместе с фотографом подошли к нашему столу, где сидел я вместе с семьёй Бори Койфман. В это время к нам подошла Лина, моя старшая племянница, и села за наш стол.

Мы все ещё раз поздравили молодожёнов со свадьбой и пожелали им от всей души крепкого здоровья, красивых детишек и успехов в молодой жизни.

Светочка спросила меня: "понравилась ли мне её свадьба"- я ответил, что я просто в восторге мол, я впервые в жизни присутствую на таком торжестве.

После этих слов, мы приготовились, и фотограф запечатлел нас вместе с молодожёнами на долгую память.

Я со Светой и Сашей Азимовыми.

**Стоят, справа налево:
Боря мой двоюродный брат, я, Света и Саша.
Сидят, справа налево: Лина, сестра Светы, Таня жена
Бори, Ромочка их сын, т. Шейна мать Бори.**

Глава 8. Как доказать, что я малолетний узник гетто.

Когда мы открыли счёт на нашу семью в банке "Апоалим", работница банка познакомила нас с пожилой женщиной. Женщина представилась, сказала, что в Хадере она представляет интересы адвоката из Тель-Авива, который занимается пицуимами для пожилых олимов. Не, спрашивая, нашего согласия, она сказала, что наш домашний адрес она уже взяла у работницы банка, которая нас только, что обслужила. И пообещала, что через пару дней заедет к нам и начнёт оформление документов.

Особенно, ещё не соображая, что к чему, мы согласились. И, действительно, через пару дней, это было в начале мая, она появилась у нас в квартире.

Ведь, мы тогда, совершенно, не понимали, что если есть все документы, то посредник адвокат не нужен, а если документов нужных нет, то адвокат тоже не поможет.

Надо было поехать в Тель-Авив и сдать самим документы в "Клеймс Конференс". Мы-то думали, вот какая забота о нас, пожилых олимах, а это был простой бизнес предприимчивых людей. Она расспросила нас: "где мы были во время войны, есть ли у нас, какие-то документы, подтверждающие это". - Мы сказали ей, что я был в гетто со своими родителями, а моя жена с младшим братиком и матерью были в эвакуации.

Затем она заполнила на каждого в отдельности анкеты, где в конце было записано, что при получении пицуима, мы должны заплатить адвокату 10% от полученной суммы. После заполнения анкет, она предложила нам всем расписаться. На этом её визит закончился.

Вскоре, а точнее 9.05.94 года мы получили от секретаря адвоката первое письмо, по поводу оформления иска на получение компенсации из Германии. Оно было адресовано матери моей жены Лейкиной Софии. В этом письме секретарь просила выслать адвокату, копии документов, обозначенных в списке.

Дело в том, что у матери моей жены и, соответственно, у моей жены сохранилось очень много документов, подтверждающих их пребывание в эвакуации. Начиная, со справки по эвакуации, выданной Калининдорфским районным советом депутатов трудящихся Николаевской области от 12 августа 1941 года за номером 113, что семья Блюмберг в составе 4-х человек эвакуируются из прифронтной полосы вглубь страны.

Отца, Блюмберга Бецалея Шмерлевича, через месяц после эвакуации забрали на фронт. Он служил в должности политрука, и после 4.08.1942 года он пропал без вести.

Есть много документов за 1942г., за 1943г., и, наконец, справка, что Народный Комиссариат просвещения У.С.С.Р., от 27.06.1944 года отзывает Лейкину Софию на постоянную педагогическую работу в освобождённые от немецких оккупантов районы УССР. Печать и подпись Заместителя Народного Комиссара просвещения УССР.

Так, что в документах, недостатка не было. И, действительно, мать моей жены получила пицуим, 22.11.1995 года. К сожалению, к этому времени её уже не было в живых.

Документы моей жены, пока не подали на рассмотрение в Германию, так как ей ещё не исполнилось 60 лет. Её документы начали готовить к подаче на рассмотрение в Германию только во второй половине 1997 года. Пицуим она получила, 2.07.2000 года.

А вот со мной совсем другая история. Документов, почти не было. Единственное, что было у меня на руках,

так это свидетельство о моём рождении и аттестат зрелости.

Я родился в Бричанах (Молдова), 20.05.1938 года. Поступил в школу в Бричанах, в 1945 году и окончил её в 1955 году.

Как вы понимаете, это слишком мало, чтобы меня признали бывшим узником гетто. Правда, у меня были ещё два свидетельских показания, заверенные нотариусом, которые взял мой отец у людей, которые проживали в селе Поповцах, где мы были в гетто.

Но, к сожалению, к этому времени, свидетельские показания перестали признавать. Вспоминаю, перед выездом в Израиль, мой отец позвонил мне в Николаев и сказал, что муж моей сестры Фима, на своей машине, везёт его Поповцы, где мы были в гетто. Затем, они заедут в Винницу, где находится областной архив, возможно, найдутся, какие - то архивные документы, подтверждающие наше пребывание в гетто.

Давай поехали с нами, я ему ответил: "папа, от немцев мне ничего не надо и отказался от поездки". - Правда, это был 1991-ый год, о выезде в Израиль я ещё не думал.

Отцу не повезло, никаких документов он не нашёл. Ему везде отвечали, что в частично сохранённых архивах Ваше имя не выявлено.

После репатриации в Израиль отца в 1991 году, вместе с семьёй моей младшей сестры, он стал добиваться получения пицуима. В "Клеймс Конференс" с документами отца работала сотрудница Бельский. В какой - то период времени, она попросила отца приехать к ней, для личной беседы. Старшая моя племянница Линочка, поехала вместе с моим отцом.

Госпожа Бельский беседовала с моим отцом около 2-х часов. В конце беседы, она пригласила в кабинет одного из руководителей организации, они о чём-то поговорили на иврите. Спустя некоторое время, они

сказали отцу: "что его вопрос будет решён положительно, потому что его ответы и рассказ убедили их полностью в правоте его иска".

И, действительно, через какое-то время он получил пицуим 5000 немецких марок.

Теперь я перехожу к рассказу о себе. Я решил вплотную заняться пицуимом, после ухода из больницы.

В конце августа 1994 года, пошли слухи, что начиная, с августа 1995 года, бывшим узникам гетто, кроме пицуима, ещё будут выплачивать ежемесячную ренту. Это ещё более весомая добавка, чем одноразовая компенсация.

Ещё хочу добавить, что репатриировавшись в Израиль в 1994 году и прожив там более 4-х месяцев, я полностью изменил свое мнение, насчёт компенсации от немцев. Итак, передо мной стоял вопрос, где искать документы и главное, какие документы.

Для того, чтобы вы читатели, полнее поняли мою ситуацию, я приведу маленькую справку.

В гетто мы были с 09.1941г. по 03.1944г. В гетто мы пробыли 2,5 года. Когда я попал в гетто, мне было 3года и 3 месяца, когда нас освободили, мне исполнилось 5лет и 10 месяцев.

В гетто нас погнали вместе с родственниками, всего 9 человек. Из гетто вернулись только я и мои родители.

Мама умерла в Молдове, в январе 1988 года. Отец умер в Израиле, в июне 1993 года, до моего приезда.

Сейчас, из всей семьи, которая была в гетто, остался я один. Моя младшая сестра, родилась после войны. Из этого выходит, что все необходимые документы, я должен искать на отца.

Первым делом, в начале сентября я поехал в Тель-Авив, нашёл "Клаймс Конференс". Попросил секретаря выдать мне справку, что мой отец Койфман Исаак получил компенсацию из Германии. Такую справку я получил за подписью и печатью директора, от 12.09.1994 года.

CONFERENCE ON JEWISH MATERIAL CLAIMS AGAINST GERMANY Inc

HANDSHIP FUND
18, Grusenberg St.
Tel Aviv 65251 P.O.B. 29564
Tel 03 - 5179247/8/9
Fax: 03-5100906

ISRAEL OFFICE

תדירות חתכיות - קרן סייוץ
י"ח גרזנברג 18
תל אביב, ת.ד. 65251
03-5179247/8/9 תל
3-5100906 :פקס

Tel Aviv, den. 12. 9. 94

BESTAETIGUNG

Sehr geehrte Damen und Herren,

Auf Grund der uns vorliegenden Informationen, haben wir uns ueberzeugt,
dass Herr/Name KOIFMAN ISAK..... IX.Nr. 308914.01
unter NS Verfolgung gelitten haben.

Wir haben ihr/ihm aus diesen Grunde die Beihilfe in Hoehe von 5,000.-
vom Haertefond des Claims Conference bewilligt, fuer die die Verfolgteneneigenschaft
Voraussetzung ist.

Hochachtungsvoll,

H. Huller
H. Huller
Direktor

**Справка о том, что мой отец получил пицуим
в Израиле.**

Это пока первый весомый документ, но я понимал сам, что этого совсем недостаточно. Копию этой справки я немедленно отослал своему адвокату. А, что делать дальше я очень смутно представлял.

А тем временем я получал от адвоката письма такого содержания: "на основе, каких документов ваш отец получил пицуим?" Нужны документы довоенного и военного периода. А также просьбы на высылку денежных чеков, для перевода документов на немецкий язык. И ещё адвокат мне писал, что свидетельские показания сейчас не принимаются и мне необходимо позаботиться о документах предвоенного и военного времени, а именно обратиться через Красный крест или посольства в Израиле.

Причём здесь Красный крест, и никаких дельных советов я от него не получал. Я-то думал, что он меня

вызовёт к себе и через русскоязычную секретаршу побеседует со мной. Задаст мне вопросы о гетто, о судьбе моего отца, а затем мы вместе решим, как работать дальше. Но ничего этого не было, все было формально, работа велась только через секретаршу, я даже не был с ним знаком.

Когда я бывал по делам в Тель-Авиве, я однажды решил зайти в адвокатскую контору, разузнать, что нового в моем деле. И попросил у секретарши разрешения сделать один звонок в посольство Молдовы. В это время вышел адвокат из своего кабинета и спросил секретаршу, кто я такой, она ответила это наш клиент. Он взял папку из шкафа и сказал, для звонков в другие организации есть на улице телефон-автомат.

Чтобы закончить эту главу я вынужден выйти за рамки одного года, так поиск необходимых документов длился у меня шесть лет.

Когда я уже жил в Кирьят-Хаиме, ориентировочно в 1996 году, мы решили с Коваликом Димой (бывший узник гетто), вступить в организацию "Бывшие малолетние узники фашизма", которой руководил Ефим Иоффе. Он жил в Кирьят - Моцкине, и мы пошли к нему пешком прямо домой.

Он нас любезно принял и спросил, покажите Ваши документы, что в Израиле Вы признаны, бывшими узниками гетто. Дима показал ему свои документы, у него к этому времени всё было в порядке. Он уже полгода получал ренту.

А я смог показать ему только справку, что мой отец в Израиле, получил пицуим. Он взял в руки справку и говорит мне: " а вот тебя я принять не смогу. В нашу организацию мы принимаем только бывших узников, у которых оформлены документы, и они уже получают ренту. Помощью в поиске и оформлении документов мы не занимаемся".

Я ему ответил, дорогой Ефим, я к Вам пришёл не за помощью, а за советом. Несмотря на то, что у меня есть адвокат, я как слепой котёнок. Я не знаю с чего начать, где искать и самое главное, что мне искать.

Хорошо, ты меня уговорил: "расскажи о гетто и после, что с вами было. Я ему коротко рассказал обо всём. Особенное внимание он обратил, что спустя три месяца после прихода из гетто, отца забрали на фронт. "Ты должен искать в военкомате, который мобилизовал отца, его военный билет и его военно-учётную карточку. Возможно, в этих документах будет записано, где находился отец перед мобилизацией на фронт. И, в конце, он добавил я всё- таки приму тебя в нашу организацию в виде исключения".

Его жена выписала мне карточку члена организации за номером 569, а я сразу уплатил членские взносы и расписался в ведомости.

В первый раз, опытный человек дал мне разумный совет. Я ещё хочу заметить, что все эти шесть лет, кроме поисков я ещё работал.

После разговора с Иоффе я себе составил, что-то наподобие плана действий по поиску документов. В этот план я внёс три посольства: Молдову, Украину и Россию. Начал я с консульства Молдовы, которое находилось в Тель-Авиве, на ул. Хавакук 7, комната 303. Приехав в один из приёмных дней, в положенное время, я обратился к секретарю, чтобы объяснить ему, что мне нужно. Он мне сказал, сколько я должен заплатить и выдал мне бланк обращения.

Я заполнил этот бланк, где я просил оказать мне содействие в выдаче некоторых документов. Основным документом, который я просил, это была копия военно-учётной карточки и копию военного билета отца. Когда я сдавал, консулу заполненный бланк обращения, я его спросил, когда я получу ответ. Консул мне ответил, что он

надеется, что через два три месяца я получу ответ.

И, действительно, через пару месяцев я получил ответ. Там было написано, что мы сожалеем, но в связи с тем, что Ваш отец 1908 года рождения, военные билеты и учётные карточки этого года рождения были ликвидированы ещё пять лет тому назад.

Представляете, как мне было обидно, они просто формально отнеслись к моей просьбе. Дальше, я решил ещё раз обратиться в посольство Украины, несмотря на то, что мой отец никаких следов в архивах не нашёл. Я сделал официальный запрос, на который получил ответ, что за данными компетентных органов Украины, ведомостей про пребывания в гетто, на моё имя в частично сбережённых архивах не выявлено.

Но я продолжал свою борьбу и решил попытаться счастья в посольстве России, куда я пытался добраться в конце августа 1999 года. Но в посольство России не так легко попасть, там всегда дикие очереди. В первый раз я приехал в Тель-Авив не очень рано, и в посольстве к концу дня, очередь до меня просто не дошла. Пришлось уехать домой ни с чем.

Во второй раз я приехал намного раньше, заполнил анкету по истребованию документа из России. Основное мое требование было: в архиве министерства обороны России найти документы, подтверждающие, где находился мой отец до призыва в армию, откуда и, когда призывался. К концу дня подошла моя очередь, я подошёл к окошку, за которым сидела симпатичная женщина, даже помню, что её звали Лариса. Она взяла у меня мою анкету, внимательно прочитала и сказала мне, что я Вас уверяю, что ответа на основной Ваш вопрос вы не получите, в архивах этого просто нет, в 1944 году это никого не интересовало. Запрос ваш стоит немало долларов, поэтому я советую вам забрать анкету и поехать домой.

Я так и сделал, забрал анкету и уехал домой.

Проходили месяцы, проходили годы, а моё дело не двигалось, а пылилось на полках у адвоката. Я, почти, отчаялся и сказал жене, что единственное, что мне осталось это самому поехать в Молдову и не может быть, что там, я что-то не найду.

Дня через два позвонила моя сестра из Беэр - Шевы, трубку взяла моя жена и рассказала ей, что мой иск по ренте, совершенно не продвигается. Потом она сказала сестре, что я собираюсь поехать в Молдову.

Вдруг сестра вспомнила, что в Единцах, остался хороший знакомый, Лёва Аккерман. Я подошёл к телефону, взял трубку и объяснил своей сестре всю ситуацию. Мы с ней договорились, так как я с Лёвой не знаком, сначала она ему позвонит и выяснит у него, может и хочет ли он мне помочь в моём деле. Если да, она даст мне его номер телефона, и я с ним созвонюсь.

Она ему позвонила, он сразу согласился, и моя сестра дала мне его номер телефона.

В конце октября 1999 года я с ним созвонился и объяснил ему всю ситуацию с моим делом. Он обещал помочь и не затягивать с розыском нужных документов. Через несколько дней он мне позвонил, что был в военкомате и вот, что он выяснил:

"действительно, военного билета и учётной карточки уже нет, но зато осталась алфавитная книга призванных людей в Красную Армию, в 1944 году. В этой книге, среди многих молдавских фамилий, за номером 142 записана фамилия моего отца".

Я ему сказал, что это очень важный документ и попросил его выслать его мне, как можно быстрее. Он пообещал мне сделать это, как можно быстрее.

И, действительно, 20.12.1999 года, я получил от Лёвы Бандероль, где находились ксерокопии необходимых мне документов.

Форма № 13

Хранить 75 лет до 1919 г.

С/у Выпускной № 115 (группа секретности)

Име. № 115

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР

АЛФАВИТНАЯ КНИГА

ПРИЗВАННЫХ В РКА

в 1944 году

ПО БРИЧАНСКОМУ РАЙВОЕНКОМАТУ

Начата в 16 в апреле 1944 г.

Окончена в 20 в ноябре 1945 г.

На 135 л. листов.

Кроме того, приложений в _____ панетах.

на _____ л. листов

ВЕРНО: Инициалы _____

(Инициалы, подпись, фамилия)

Титульный лист "Алфавитной книги" призванных в РКА в 1944 году по Бричанскому райвоенкомату.

На титульном листе было написано, что книга должна храниться 75 лет до 2019 года. Книга на 135 листах начата 16.04.1944 года и окончена 20.11.1945 года. Он мне прислал два экземпляра документов: Один экземпляр был заверен нотариусом по всем правилам, а второй экземпляр был заверен комиссаром военного центра Единецкого уезда, подполковником А. Дятловым и поставлена печать.

Получив, эти документы, я снял копии и ещё до конца года отослал секретарю адвоката. Она их переправила в "Клеймс Конференс" к сотруднику Берлен, которая вела моё дело.

Изучив, снова моё дело, исходя из последних документов, она сказала:

"что по нашим достоверным сведениям, имеющимся в нашей организации, евреи в Молдавии в 1944 году, были лишь те, которые вернулись из гетто".

Итак, мой вопрос был, наконец, решён положительно, закончились мои долгие мытарства, которые длились ровно шесть лет без двух месяцев.

4.03.2000 года, я получил справку из Германии, что я признан бывшим узником гетто, что мне назначен пицуим, ежемесечная рента, а также, что будет мне выплачено за четыре года и пять месяцев (это с 08.1995г. по 1.01.2000г.) положенная мне сумма.

19.03.2000 года позвонила мне секретарь адвоката и поздравила меня с успешным завершением дела. Потом она сказала, что мне пора расплачиваться. Она предложила мне, в связи с тем, что я получил неплохую сумму: "заплатить адвокату 10% за пицуим и шесть или хотя бы пять месячных рент".

Подумав, я ей ответил, ваш агент в Бейт-Элейзере заключила с нами договоры только на пицуимы.

Потом я лично даже не знаком с адвокатом и так, как он работал, что даже совета толкового я от него не получил.

Поэтому он не достоин, получить шесть, или даже пять месячных рент.

Я согласен на 10% из пицуима и на одну месячную ренту, на этом мы и расстались. Вся ретроактивная сумма ушла у нас на погашение машканты за квартиру, а ссуду мы погасили немного раньше, из заработанных мною денег.

В конце этой главы я хочу поблагодарить людей, которые поддержали и помогли мне.

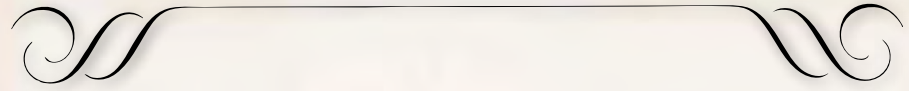
В первую очередь мою сестру Мальвину, особую благодарность заслуживает Лёва Аккерман, который согласился сразу и без всяких условий мне помочь, добрым словом я вспоминаю Ефима Иоффе, бывшего председателя объединения "Малолетние узники гетто", который посоветовал мне с чего начать поиски необходимых, для меня, документов.

Хочу добавить, что моя сестра, которая приняла активное участие в абсорбции моей семьи, заслуживает, как никто другой, чтобы вставить её фотографию в мою книгу. Но, к моему сожалению, у меня нет её фотографии за мой первый год пребывания в стране. Поэтому я вынужден вставить одну из фотографий последнего времени.

Даня. Мила. Линочка.

Моя сестра Милаша со своим мужем Даней в гостях у своей старшей дочери Линочки в кибуце "Мааган Михаэль", где с июля 1994 года по июнь 1996 года, успешно прошла абсорбцию семья моего сына.

Глава 9. Знакомство с Олегом Буниным.

Когда я в первой половине августа ушёл из больницы, у меня появилось свободное время днём, так как вечером я продолжал посещать ульпан. Однажды в ульпане я узнал, что организуется поездка в Кирьят Арбу, где находится пещера наших праотцев.

Поездка организуется от центральной автобусной станции, куда будет подано несколько автобусов. Я решил поехать, чтобы ознакомиться с Хевроном, Кирьят Арбой и пещерой Махпела.

Я пришёл в назначенный день и время и сел в один из автобусов. После того, как автобус тронулся, ко мне подсел парень в кипе, лет 27-28-ми. Вскоре мы разговорились и познакомились. Он приехал в страну, года четыре назад, вместе с женой и маленьким ребёнком.

Они живут на съёмной квартире, тоже в Бейт - Элейзере. Работает он на заводе вторичной переработки "Амнир", который находится в промышленной зоне Хадеры. Во время движения, к нам присоединились ещё автобуса четыре. В автобусах было много молодёжи и большинство из них были в кипах.

Когда мы выехали за зелёную черту, автобусы вдруг остановились и большинство молодых ребят вышли наружу. У многих в руках появились израильские флаги, и они начали шагать впереди автобусов, напевая израильские песни. Автобусы медленно двигались за колонной.

Я заметил, что впереди и сзади автобусов появилось несколько военных джипов, так что мы были не без охраны. Пройдя километра три-четыре пешком, все

вернулись в автобусы на свои места. Мы начали проезжать через арабские деревни, жители которых с ненавистью смотрели нам вслед. А подростки, даже бросали камни в сторону наших автобусов.

После арабских деревень, показался Хеврон, мы проехали через еврейский квартал, где много детей и взрослых приветствовали нас и махали нам руками вслед.

Затем мы въехали в Кирьят-Арбу, там уже стояло много автобусов и гуляли люди по маленьким улицам. Мы с Олегом, моим новым знакомым, потеряли друг друга. Тем не менее, я вместе с незнакомыми мне людьми, двинулись в сторону пещеры "Махпела".

К большому для нас сожалению, пещера была закрыта, как для арабов, так и для евреев. Поэтому мы могли на неё посмотреть только снаружи, вокруг пещеры стояли израильские солдаты.

Недалеко от пещеры, находилась площадь, на которой стали собираться толпы людей. Я спросил, рядом стоящую молодую девушку, в чём дело и она ответила мне, что с минуту на минуту ожидается приезд сюда Ариэля Шарона.

И, действительно, минут через десять на кем то, принесённый стол взобрался плотного телосложения человек с сединой в волосах. Многие стали кричать: "Арик ты наш царь", конечно, на иврите. Из его короткой речи, которую мне помогла понять рядом стоящая девушка, я запомнил не очень много. Единственное, что я помню, он сказал: "Вы поселенцы это соль нашей земли, и мы члены "Ликуда" всегда будем рядом с вами".

Хочу напомнить, что это было в начале сентября 1994 года. После короткого митинга, стало быстро темнеть и я, как и другие приезжие стал искать свой автобус. Но это было не очень легко, так как в тот день приехало много автобусов. После получаса поисков, я всё- таки нашёл его и сел на своё место.

Вскоре ко мне подсел мой новый знакомый, Олежка Бунин, и автобус тронулся в обратный путь. В дороге, мы поделились впечатлениями об увиденном и услышанном. В конце дороги, обменялись адресами и телефонами.

Так, как его жена с ребёночком уехали в гости, к своим родителям на Украину, ему одному было скучно, и он часто захаживал к нам в гости. Один или два раза мы были с женой у него в гостях. В свободное от работы время он приходил к нам, и мы с ним уезжали в Хадеру отдохнуть и развеяться.

Мы могли часами сидеть на скамейке в тени и спорить на разные темы. Мы только делали перерыв, чтобы пойти перекусить. Несмотря на его молодость, он был достаточно рассудителен и выдержан. Я видел, что ему интересно беседовать со мной.

Обсуждали мы с ним разные проблемы, но в основном речь шла об Израиле, о религии, о гиуре. Мы с ним пришли к общему мнению, что в Израиле тему патриотизма нужно преподавать со школьной скамьи и интересы государства должны быть выше личных забот. Насчёт религии, мы с ним не могли придти к общему мнению. Он сам пришёл в религию, за год до приезда в Израиль. Он рассказал, что жена у него украинка и пока не согласна пройти гиур.

Я ответил, что меня этот вопрос тоже волнует, так как невестка у меня русская. На мой взгляд, есть правильное решение этого вопроса. Но пока религия не отделена от государства и не разделены понятия вера и национальность, оно не решаемо.

Я его спросил, кто может считаться евреем? Он сказал, что тут не надо гадать, в Галахе евреем считается тот, кто соблюдает заповеди. Вот то-то и оно, получается, что я и большинство населения Израила, не евреи, а турки.

По - моему, мы единственная страна в мире, где вера и национальность одно и тоже. Вот возьмём

пример, отец Юлия Эдельштейна, Юрий Эдельштейн и зверски убитый Александр Мень, приняли в своё время христианство и даже стали православными священниками. И разве они стали русскими, нет, они остались евреями, принявшими христианство. Возьми наших соседей арабов, подавляющее большинство из них мусульмане, но есть много арабов христиан.

Вот у нас и получается, что любой выходец из Африки, Южной Америки или из любой другой страны принявший иудаизм становится евреем, а ребёнок, у которого отец еврей и у него в жилах течёт еврейская кровь, лишён этой возможности.

Олег настоял, чтобы я сказал всё-таки, как я отношусь к гиюру и какое у меня предложение. Сегодня, гиюр отдан на откуп раввинату. Всё было бы не плохо, только на этих курсах из ребят хотят сделать не евреев, а ортодоксов. Но ведь, всем ясно, что ребята из светских семей, никогда не станут глубоко верующими, конечно, бывают исключения. Поэтому даже на армейских курсах гиюра, начинают многие, а заканчивают малое количество солдат. Вот, Олег, послушай моё предложение:

-наш Кнессет должен принять закон, что ребёнок, у которого только отец еврей, после службы в израильской армии должен предстать перед государственной комиссией, где должен ответить на ряд важных вопросов.

Первый и самый важный вопрос, хочет ли парень или девушка навсегда считать себя евреями и почему.

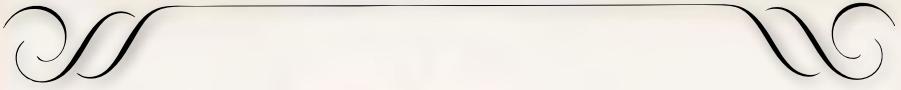
Второй вопрос, любят ли они нашу страну Израиль и готовы в дальнейшем если потребуется защитить её, не жалея жизни.

После, посмотрев характеристику, выданную армейским руководством и получив утвердительные ответы, сказать ребятам:

"что с этого момента они стали неотъемлемой частью нашего многотрадального народа".

Таким образом, в вопросах религии, у нас с ним были большие разногласия. Но нас объединяла любовь к Израилю, и нам интересно было друг с другом. В свободное от работы время, он помогал равву, проводить уроки по изучению торы для олимов. Меня он тоже уговаривал посетить эти уроки. В конце концов, я согласился, ради уважения к Олегу и ради иврита. Уроки проводились в дворике, а иногда в квартире раввина, где нас приветливо встречала его жена. Я посетил уроков 5-6.,на большее меня не хватило. Несколько раз я вместе с Олегом заходил в синагогу в Бейт-Элейзере, это было моё первое посещение синагоги в Израиле.

Этот молодой религиозный парень сыграл важную роль, на первом году моей жизни в Израиле. Во - первых, он помог мне устроится на завод, где сам работал, а во - вторых, был гарантом у меня при покупке собственной квартиры в Кирьят-Хаиме.

Глава 10. Работа на заводе "Амнир".

Олег обещал помочь мне с работой и в конце сентября пригласил меня поехать вместе с ним на его работу. Мы приехали на завод "Амнир", который находился в промышленной зоне Хадеры.

Он представил меня своему мэнаэлю (начальнику) и помогал мне с переводом во время беседы. Мэнаэль спрашивал меня и в конце сказал: "Олег Бунин пользуется у нас на заводе большим уважением и раз он тебя рекомендует, я тебя беру. Выходи на работу 2-го октября, к 8 часам утра, чтобы ты был на заводе. Как добраться и всё остальное тебе расскажет Олег".

Итак, я стал работать на полугосударственном предприятии "Амнир", которое занималось переработкой промышленных и бытовых отходов. На этом заводе работало в общей сложности человек 40, 50. Коренных израильтян можно было пересчитать по пальцам, а остальные это были олимпы и арабы с окрестных сёл. Говорили, что до приезда алии все рабочие были в основном арабы, затем постепенно их стали вытеснять олимпы.

В первый день моей работы, мне выдали картис, при помощи которого я отмечал начало и конец работы. Работа начиналась в 8 часов утра и заканчивалась в 17 часов. В течение рабочего дня у нас было два перерыва, на завтрак и обед. На территории завода находилась небольшая столовая, еду привозили с соседнего более крупного завода. В раздаточной работала женщина, которая приходила на несколько часов. Кормили нас неплохо, ещё мне запомнилось, что мы олимпы сидели в одном углу комнаты, а арабы в другом углу со своей компанией.

Для рабочих была общая раздевалка, где у каждого был свой отдельный шкафчик. Там же находились душевые кабинки. Я описываю быт, потому, что после работы в больнице, где для нас не было, вообще, никаких условий, это меня приятно удивило.

В первые несколько месяцев я был простым разнорабочим, как и многие другие работники. Во двор завода заезжали большие машины-мусоровозы и разгружались прямо на асфальт, в определённом месте. Мы человека три, четыре окружали эту кучу мусора и начинали сортировать. Пластик в одну сторону, картон и бумагу в другую, стеклянные бутылки и банки в третью и так далее. Нас, конечно, снабжали специальными перчатками. Тех, кто часто занимался этой работой, в шутку называли "золотоискателями".

Через промежуток времени, подъезжал автопогрузчик и разгребал сбившуюся кучу и раскладывал по большей площади, чтобы нам легче было заниматься сортировкой. Скажу Вам честно, это работа не для нежных интеллигентов, потому что запахи совсем не похожи на французские духи и всё время под жгучим солнцем.

Четыре или пять раз меня командировали в помощь водителю машины, который объезжал города Израиля и собирал картонную тару для завода "Амнир". Так я помню, что несколько раз мы объезжали в Кфар-Сабе все магазины, около которых были специальные ящики, куда бросали картонную тару. Мы с водителем опорожняли эти ящики и загружали их в нашу машину. Ездили мы по городу пока мы не заполнили доверху кузов машины. А после этого мы возвращались на завод, где разгружали машину с картоном. За рабочий день мы успевали сделать всего одну ходку.

И я, ещё успевал на автобус, который нас развозил по домам. А утром, в Бейт-Элейзере, прямо напротив моего дома, в одно и то же время я садился в автобус, который

развозил рабочих по многим заводам, промышленной зоны Хадеры.

Часто я работал помощником на гильотине. Вилами погрузчика, загружали несколько слоёв длиной бумаги на стол гильотины. Основной рабочий должен был резать эту бумагу в определённый размер, а помощник, то есть я, должен был всё время толкать ему под нож, оставшуюся бумагу. Итак, долгие часы и это было физически нелегко. На гильотине работали два олимпа, одного из них звали Борис, а второго Володя. Они работали по сменам и меняли друг друга. Борис считался работником высшей квалификации, он сам настраивал ножи, соображал в электричестве и многое другое. Ещё у нас работали женщины олимки, человек десять. Они стояли за длинным столом, где были закреплены ножницы и резали бумагу на форматы А4. Вся продукция складывалась на миштахи (поддоны). Мы часто оставались работать сверхурочно и выходили на работу даже по субботам. Так как мы получали зарплату в зависимости от количества проработанных часов, а суббота и дополнительные часы оплачивались намного больше, мы были заинтересованы в них. Каждый выходил в субботу не более двух раз в месяц, за этим строго следил наш мэнаэль, Михаэль. То есть выход в субботу и сверхурочные часы считались поощрением. Благодаря субботам и сверхурочным часам, я зарабатывал чистыми деньгами в месяц где-то 2300-2400 шекелей. Сверхурочно я часто оставался вместе с Олегом Буниним. Нашу продукцию мы в основном отправляли на территории, то есть на Западный берег и в сектор Газа. После дневной смены, мы с Олегом заворачивали поддоны с бумагой, нейлоновой плёнкой и ручной гидравлической тележкой, складывали их в ряд, около въездных ворот. Утром приезжали семитрейлеры, грузились и увозили готовую продукцию с завода.

Когда я работал с Олежкой, я стал понимать, почему он пользуется уважением у большинства работников и у начальства. Во-первых, он был безотказный, в любое

время и в любом месте, где только нужно было, он первый приходил на помощь.

Во-вторых, вы бы видели этого парня в работе. Стройный, тонкий, но очень жилистый, он был быстр и неутомим в работе. Пока я заворачивал в плёнку один миштах, он начинал третий. Если, вы думаете, что это потому, что я старый, то вы ошибаетесь. За ним не успевали и молодые арабы. Я на него смотрел, улыбался и думал, как хорошо, что есть такие евреи, да ещё религиозные.

Через три с половиной месяца меня перевели работать на станок, который называется "Магила". Этот станок предназначен для разматывания остатков галилей, которые остаются в типографиях, где печатают газеты. На станок я загружал от четырёх до шести галилей и начинал их разматывать и обрезать. Плоские листы бумаги падали на деревянный поддон. Когда накапливалось необходимое количество бумаги на поддоне, я останавливал станок. Я звал погрузчик, он забирал у меня поддон с бумагой и отвозил на гильотину. Итак каждый раз, сначала было тяжело, то одно не получалось, то другое. Но в начале моей работы, мне здорово помог молодой араб, которого звали Абед. Он раньше, когда то работал на этом станке и знал все тонкости.

Хотя работа была не из лёгких, так как всё время приходилось загружать тяжёлые галили, а иногда мне приходилось звать на помощь, когда попадался слишком большой и тяжёлый галиль, несмотря на всё это я был рад новой работе. Во-первых у меня появилось определенное место работы, я перестал быть мальчиком на побегушках(это в моём то возрасте), во-вторых работа внутри цеха и в третьих я меньше попадал на работу "золотоискателем", только в экстренных случаях, когда почти весь цех выходил на аврал.

Итак, до конца своей работы на этом заводе я

проработал на этом станке. Уволился я с завода по собственному желанию в связи с переездом в Кирьят-Хаим, где купил квартиру. Проработал я на заводе "Амнир" около 8-ми месяцев и уволился 21.05.1995 года.

חדרה, 18 במאי 1995
5-21 יוני

לכל מאן דבעי,

הנדון: קניסמן שמינו, ת.ד. 312054260

חננו לאשר כי מר קניסמן סמואל חתום בחברתנו מתאריך 2.10.94 ועד תאריך 21.5.95

לחלק פרטי יום עבודתו בחברה

24	10/94	-
24	11/94	-
25	12/94	-
24	1/95	-
21	2/95	-
27	3/95	-
24	4/95	-
15	5/95	-

בכבוד רב,
המנכ"ל
התעשייה הישראלית
מנהל/תכ"ח אדם

Our Member

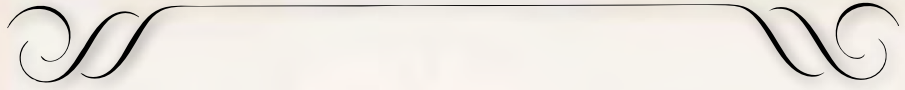
אמצע העשית סיומת כ"מ"ס

המשרד הראשי איזור תעשיית, ת.ד. 142 חדרה 38101, טל: 052348980, פקס: 05233104

המרכז מנהלתי בני ברק, איזור תעשיית, ת.ד. 5555 רמת גן, טל: 052187001/052187002

איש המכרז, ת.ד. 401, איזור תעשיית, תל אביב, טל: 052187001 (חדרה) 052348980 (מחלקת מנהלתי) 052187001 (ישראל) 052187002 (תל אביב) 052187003 (ירושלים)

Справка о кол-ве проработанных месяцев
на заводе "Амнир".

Глава 11. Жизнь и смерть матери жены.

Эту главу я посвящаю, матери моей жены, Софье Наумовне Лейкиной, у неё была очень не лёгкая жизнь, так как она прожила её одна без мужа с двумя детьми. Окончив педагогический техникум, её направили на работу учительницей в младшие классы в село Львово, Калининдорфского района, Одесской области, Украина.

Там она встретила своего будущего мужа, который был в этом селе директором средней школы и ещё он преподавал химию и дарвинизм. В 1935 году они поженились. В марте 1937 года у них родилась девочка Света, которая в будущем станет моей женой, а в марте 1939 года у них родился сыночек Виля.

Жили они очень дружно и в любви. Ей повезло с мужем, так как это был очень интеллигентный, мягкий и добрый человек.

Хочу ещё отметить, что в селе Львово была еврейская коммуна и колхоз. У моей жены свидетельство о рождении написано на языке идиш и ивритскими буквами.

Всё шло хорошо, если бы не началась война с проклятыми фашистами. В начале войны, 12 августа 1941 года, оставив дом и всё, что в нём было, они всей семьёй эвакуировались из прифронтовой полосы вглубь страны. Сначала они попали в город Моздок, где её мужа сразу же забрали в Красную Армию, после этого ни она, ни дети больше его не видели. А она, одна в 27 лет, с двумя маленькими детьми, которым было четыре и два годика, поехала дальше на восток.

Однажды, она рассказала нам с женой такой случай, что на восток они ехали в специально оборудованных товарных вагонах, так называемых теплушках. Дети лежали на верхних нарах, она сидела внизу. Кто-то из детей попросил пить, но воды не было. Во время остановки, она схватила котелок и выскочила на станцию, чтобы набрать воды. В это время поезд тронулся, но она успела вскочить в последний вагон.

Только через два часа на следующей станции она смогла вернуться в свой вагон. Люди, которые были в этом вагоне, рассказали ей, что творилось с её детьми, пока её не было.

Первые 15 минут они ещё не осознали, что матери нет с ними, а потом вдвоём стали звать и кричать мама, мама. Старшая девочка плакала и кричала с перерывами, а маленький 2-х летний мальчик впал в истерику и никто не мог его успокоить. Потом, одна женщина взяла его на руки и он, стал немного успокаиваться.

После долгих мучений в дороге они, в конце концов, попали в село Глушено, Косихимического района, Алтайского края.

А муж её в это время воевал с проклятыми фашистами, в должности политрука. Последняя от него почтовая открытка была 4-го августа 1942 года, где он писал, что очень беспокоится о ней и о детях. О себе он писал, что сейчас идут тяжёлые бои и его лично ничего хорошего не ждёт и мысленно он с ними прощается.

И, действительно, после этого о нём больше ничего не было слышно, и он пропал без вести. И даже после войны на все запросы никаких ответов не было получено.

В Глушено для жилья им предоставили маленький деревянный домик и приняли на работу учительницей в начальные классы. В июле 1944 года, её отозвали на постоянную педагогическую работу в освобождённые от немецких оккупантов районы Украины.

Они сначала возвратились в село Львово, но дом их был разбит и разграблен. Она с детьми переехала в город Николаев, где жили родители её мужа. Вначале они поселились у них в доме, а затем она устроилась работать в детский дом воспитательницей.

Так как она не очень уживалась с родителями отца, она сняла угол в комнате одной женщины, а детей определила в детский дом, где работала. Дети пробыли в детском доме четыре года, с 1945 года по 1948 год включительно.

В 1949 году она выкупила одну комнату, рядом с квартирой, где снимала угол. Эта комната находилась во дворе дома 10, на улице Адмиральская. Комната была небольшая, около 18 кв. метров. Была она на втором этаже под крышей, общий небольшой коридорчик для трёх соседей. У каждого там, стоял свой столик, на котором располагался примус, а затем керогаз и мусорное ведро. Зимой и летом в туалет ходили на улицу, а что там творилось, не хочется вспоминать, а тем более рассказывать. Вместо холодильника был общий подвал для всего двора. У каждого жильца был свой уголок, нередко продукты пропадали.

Это я рассказываю, чтобы было понятно, в каких условиях она жила с детьми. В детском доме она проработала около десяти лет.

Затем её перевели работать учительницей в младшие классы в район ЮТЗ. На пенсию она ушла в 55 лет, это было в 1969 году.

Перед пенсией она пригласила мою жену со мной переехать к ней в Николаев, в эту одну комнату, где она жила со своим сыном. Она утверждала, что в районо её заверили, что если нас будет четыре человека в этой маленькой комнате, ей сразу выделят новую квартиру.

Мы с женой в то время жили в Одессе на квартире и занимались в вечерних институтах. Когда жена окончила

институт в 1964 году, а мне ещё оставалось два года до окончания, мы всё-таки приняли решение переехать к матери, чтобы она смогла получить новую квартиру, совместно с нами.

После того, как мы переехали и прописались, нас действительно, посетила, какая-то важная комиссия. Они осмотрели комнату, посмотрели на нас и умно изрекли: "комната для четырёх человек, конечно, маленькая, но ваши дети инженеры, и они сами должны о себе позаботиться". И мы продолжали жить четыре человека в этой маленькой комнате. Правда, когда мы с женой ложились спать, мы ставили раздвижную ширму, а на день мы её убирали.

Несмотря, на такие условия жизни, мы ухитрились за ширмой спроектировать ребёнка. 18 мая 1965 года у нас родился замечательный и любимый сын, которого мы назвали Сашенька.

Итак, мы стали жить пятером в этой маленькой комнате, пока мы не вселились в 1969 году в построенный нами кооператив. Вместе с матерью мы прожили пять лет.

А мать со своим младшим сыном Вилей продолжали жить в этой комнате. В, общей сложности, они прожили в этой комнате, с удобствами во дворе более 33 лет. А мать все эти годы продолжала стоять в очереди на квартиру.

И, однажды, ей сказали, что появилась возможность выделить ей однокомнатную квартиру, правда, за городом, в новостроящемся районе. Но она отказалась, потому что, несмотря на плохие условия жизни, она привыкла жить в центре.

Во дворе была пристройка, из которой выбиралась семья в новую квартиру. И она попросила, чтобы ей разрешили с сыном перебраться в эту квартиру. Разрешение было получено, так как она отказалась от

новой квартиры. Эта квартира представляла собой одну большую комнату с кухней и небольшим коридором. Большим недостатком было, что две стены на кухне были совершенно сырые, особенно это было заметно в период дождей и зимой.

Виля своими руками постарался сделать удобства. В этот маленький коридор он подключил воду, сделал отопление во всей квартире. В коридоре он также установил унитаз, умывальник и сидячую ванну. То есть последние десять лет, они прожили более или менее в лучших условиях, чем раньше.

Осенью 1993 года её младший сын Виля, вместе с семьёй его дочери, выехали в Германию на постоянное место жительства. И мать осталась одна в этой квартире. В это время ей исполнилось 79 лет.

В последний год, перед приездом в Израиль, она жила уже вместе с нами, так как уже не могла сама себя обслуживать. У неё болели ноги, она с трудом ходила и плохо стала соображать. Жизнь у неё была очень не простая, ведь после пропажи её мужа на фронте, она до конца жизни не вышла замуж.

26.апреля 1994 года мы все вместе, то есть я, моя жена и её мать репатриировались в Израиль. Кроме корзины абсорбции, матери сразу назначили пенсию. Несмотря на то, что мы приехали, почти, в конце апреля, пенсию ей назначили с начала месяца. Она получала с апреля по июль включительно по 886 шекелей в месяц. А, начиная, с августа 1994 года ей повысили месячную пенсию до 1049 шекелей в месяц. Для бюджета нашей семьи это была весомая прибавка.

Благодаря также ей, мы могли вместе с семьёй нашего сына снять приличную квартиру в хорошем районе и сразу заплатить за год вперёд.

В первый год, вся забота о матери, а также о нашем внуке полностью легла на плечи моей жены. Так как

наши дети упорно грызли иврит и пропадали в ульпане, а я был на работе или в поисках её.

После того, как наши дети в июле месяце перешли жить в кибуц, моей жене стало немного легче, так как на три человека готовить намного легче, чем на шесть. Да и 4-х летний внук переехал вместе с детьми и стал ходить в кибуцный садик. Так, что моя жена оставалась дома одна с матерью. За матерью надо было ухаживать не только днём, но и ночью бегать к ней и не один раз. Мать не совсем понимала, что она находится в другой стране.

Квартира, которую мы снимали, находилась на первом этаже, сзади была гина, а по входу впереди дома был небольшой кусочек земли, на котором росла зелёная травка. В хорошую погоду, жена выносила туда стул и выводила мать на воздух. Она, обычно, тихо сидела и смотрела на проходящих людей.

Над нами на втором этаже, жила семья из трёх человек, родители и девочка подросток. Родителей звали Фрида и Яни, а девочку забыл, как звали. Так как мать была учительницей, она пыталась часто заговаривать с девочкой. Иногда, девочка останавливалась и отвечала, а порой проходила, не обращая внимания. Её мать Фрида, это та самая, которая устроила меня на блатную работу в больницу. А её муж Яни, работал на заводе в промышленной зоне Пардес Ханы. Приезжая с работы, он оставлял свою машину недалеко от нашей калитки. Будучи добродушным человеком, он проходя мимо матери, часто заговаривал с ней. Он её спрашивал, как она себя чувствует, как её здоровье.

Однажды, она его спросила: "молодой человек, как вас зовут".-Он ответил меня зовут Яни. А она говорит ему: "Яни отвезите меня, пожалуйста, на Адмиральскую 10. Вы не бойтесь, я вам обязательно заплачу".- А он спрашивает, а где это Адмиральская 10.-"Она ему говорит, разве Вы не знаете, где это. Ведь я там всю жизнь

прожила, это в Николаеве". Яни ей ответил, что он очень занят и сегодня не может.

Однажды, приехал к нам сын из кибуца, чтобы навестить нас. Он вошёл в квартиру и поздоровался со всеми, а затем подошёл к бабушке, чтобы поцеловать её. А она говорит ему: "мальчик ты, кто такой?" - А он ей говорит, бабушка, неужели ты не узнаёшь своего любимого внука. Она внимательно на него посмотрела и говорит: "а это ты Сашенька, я тебя перестала узнавать".

Мы купили телевизор, и в один из каких-то дней шёл фильм, где падал снег. Она смотрит на экран и говорит: "дочка посмотри зима пришла уже, пошёл снег".

И, ещё запомнился случай, жена постирала и вывесила бельё на раскладную сушилку. И, вдруг, она говорит: "дочка это ты постирала всё моё бельё". - Да, мама это всё твоё, и она довольно заулыбалась. В принципе, она была спокойная, хорошо кушала, часто улыбалась. Очень любила, когда с ней говорили. К нам, каждую неделю приходила медсестра из поликлиники. Говорила с ней о её самочувствии, измеряла ей давление. В первые полгода, каждый месяц приходил русскоязычный врач.

Днём было с ней не очень тяжело, но зато ночью она всё время просилась в туалет. Она спала в отдельной спальне, и бегать к ней часто, жене было тяжело. Жена только заснёт, а надо снова бежать.

Мы приобрели раскладушку, и жена перешла спать рядом с матерью, ей было немного легче, и я высыпался, потому что утром я убегал на работу.

Как то у ней на спине стал расти жировик, и в один день очень стало больно ей. Так как это было в первые полгода, мы растерялись и не знали, что делать.

Мне кто-то дал телефон моего земляка из Бричан, где я родился и после гетто провёл детство. Это был просто

знакомый Бюма Шнайдер, сосед моего школьного товарища Суни Кижнера. Они жили в одном доме. Он был ватик, строил собственный дом в Хадере. Я как-то позвонил ему, мы поболтали по телефону и в конце разговора он сказал мне, что если мне понадобится какая-то срочная помощь, то он рад будет мне помочь. Я вспомнил этот разговор, набрал номер его телефона и рассказал ему суть дела: "Не переживай, скажи мне твой адрес и я приеду к тебе на своей машине". Он приехал минут через 40, я с женой вывел нашу маму, и посадили её в машину и сами сели. Он нас повёз в больницу Гилель Яфэ, которая находится на окраине Хадеры.

Мы вышли из машины и все вместе вошли в приёмный покой больницы. Затем Бюма подошёл к регистратуре и долго, что-то объяснял на иврите. Минут через 15-ть он подошёл к нам вместе с медсестрой, медсестра увела мою тещу к врачу хирургу. А мы втроём остались ждать. Сидели мы и ждали часа два и, наконец, медсестра вывела нашу маму и на иврите объяснила Бюме, что жировик вырезан и всё прошло удачно.

На обратной дороге он нам объяснил, что нужно делать. Потом он сказал, что болеть будет, возможно, ещё дня два, а потом пройдёт.

Мы его от всей души поблагодарили и сказали, что он нам очень помог. Он сказал, что всегда рад помочь олимам, да ещё и землякам.

Бюма Шнайдер, ещё раз приезжал к нам в гости вместе с женой и младшим братом Суни Кижнера, которого звали Миша. Они приехали посмотреть, как мы устроились на съёмной квартире, не нуждаемся ли мы в чём-то. Мы их поблагодарили и сказали, что у нас всё нормально, дети в кибуце, а я работаю на заводе "Амнир". В дальнейшем наши дороги больше не пересекались, так как в скором будущем мы уехали из Бейт-Элейзера.

Медсестра, которая нас посещала на дому, не раз говорила моей жене, почему Вы не оформляете себе мэтапелета, ведь Вы имеете на это полное право. Жена отвечала, что она стесняется просить помощи и пока справляется сама.

Но с наступлением глубокой осени, пошли частые дожди и стало прохладнее, как на улице, так и в доме. Мать начала кашлять, чаще у неё болела голова и стала требовать больше внимания к себе. Она стала бояться оставаться одна и для моей жены, стало проблемой, сходить в магазин, чтобы купить продукты. И, теперь мы с женой решили, что надо просить, чтобы нам выделили мэтапелет.

Медсестра принесла нам анкету и сказала, что её надо заполнить на иврите и отнести в Битуах Леуми. Моя жена пошла к моей младшей племяннице Светочке, которая в этом году окончила школу и вернулась жить к своей маме, и попросила её заполнить анкету. Очевидно, они друг друга не поняли, и Светочка заполнила анкету на мою жену.

Я отпраился с работы и пошёл с этой анкетой в Битуах Леуми. Служащая, к которой я обратился, внимательно прочитала её и говорит мне, как вам не стыдно, вашей жене всего 57 лет, а вы просите для неё помощницу. Я понял, что произошла ошибка и мы не на того человека заполнили анкету.

Я попросил чистый бланк анкеты и поехал с ним домой. Рассказал своей жене, мы посмеялись, а она, не теряя времени, взяла чистый бланк анкеты и снова пошла к Светочке. На этот раз анкета была заполнена правильно, и я ещё до конца рабочего дня успел съездить снова в Битуах Леуми и сдать её.

Через, какое-то время к нам пришла ивритоговорящая женщина для проверки матери. Она разговаривала с матерью знаками, но они понимали друг друга.

В начале декабря к нам пришла женщина, которая сказала, что она послана к нашей матери работать мэтапелетом, что зовут её Маня. Ей было лет 40-45, в прошлом она работала учительницей французского языка.

Моя жена с ней сразу подружилась и сказала ей: "Манечка мы Вас загружать не будем. В ваши обязанности будет входить покупка продуктов, и разговаривать с мамой". Работала она пять дней в неделю, по два часа. Она много разговаривала с мамой и ей очень нравилось. Мама скучала за ней и спрашивала, когда придёт Маня.

30.12. 1994 года маме исполнилось ровно 80 лет. В новом 1995 году она стала сдавать, слабость.

Ночью, с первого на второе февраля у неё поднялась температура, она вся горела. Мы давали ей жаропонижающие таблетки, но ничего не помогало. Утром я ушёл на работу, а жена дождалась Маню и так как температура не падала, они вызвали скорую помощь.

Врач скорой помощи, измерив ей температуру, сказал, что он немедленно забирает её в больницу. Жена поехала вместе с ней. Они сразу попали в приёмный покой больницы Гилель Яфэ, где маму обследовал врач, он ей измерил температуру, померил давление и оформил её в палату на этаж, где в основном лежали пожилые люди.

В этой палате лежали три женщины, через какое-то время в палату вошла врач, кстати русскоязычная. Так как моя жена сидела рядом с матерью, она стала её расспрашивать, что с ней произошло, чем она раньше болела и, что её беспокоило в последнее время. Она снова измерила ей температуру и так как она не падала, она сказала, что пришлёт медсестру, которая поставит ей капельницу с физ.- раствором, чтобы сбить

у неё температуру. И, действительно, через час пришла медсестра и поставила ей капельницу.

Вечером жену отправили ночевать домой. Добиралась до Бейт - Элейзера из больницы, которая находится на окраине Хадеры двумя автобусами. Любая поездка, на любой машине, для моей жены это целая проблема, так как её страшно укачивает с самого детства.

На следующий день с утра, она повторила тот же маршрут только в обратную сторону. Зайдя, к матери в палату она увидела, что она сидит в каталке с босыми ногами на цементном полу, а её тапочки лежат под кроватью. Она достала тапочки и одела ей на ноги.

И в этот момент, она решила, что ей лучше и легче остаться с ней в больнице, чем каждое утро приезжать. Правда, она думала, что через три, четыре дня, ну максимум через неделю, она сможет забрать мать из больницы. Но это затянулось на долгие три недели.

Врачи никак не могли установить диагноз, поэтому и температура не падала. В эти долгие, мучительные дни моя жена питалась вместе с матерью. Мать ела очень мало, она почти всё время была под капельницей, за исключением, когда её мыли под душем.

Жена моя спала на кресле около её кровати, если это можно назвать сном. Душ она принимала, когда никто не видел, в кабинке рядом с палатой. Я приезжал проводить их после работы довольно часто, потому, что мой завод находился недалеко от больницы. К моей жене все медсёстры и даже врачи уже привыкли.

Одна, старшая медсестра, говорила моей жене, что она поможет ей оформить мать в Бейт-Авод после больницы, потому, что она настолько тяжело больна, что жене с ней уже не справиться. Но жена и слышать не хотела об этом, пока я жива она будет со мной.

Прошло уже две недели, а температура не падала,

и всё время держалась в районе 40 градусов, а врачи были бессильны. Жена часто обращалась к врачам: "пожалуйста, сделайте, что-нибудь", - но они только разводили руками и говорили, что они подозревают, у ней менингит (воспаление мозга).

Однажды, в какой-то день, жена сидела около её кровати и увидела, что мать внимательно смотрит на неё. И, жена ей говорит: "мама, что же это такое получается, я мучаюсь с тобой уже больше двух недель и не могу тебя вытащить из больницы". Видно в этот миг, у неё наступило короткое просветление, и она ответила:

"прости меня дочка, видно пришло моё время".

После этих слов, она снова закрыла глаза. 22-го февраля, после обеда она начала громко вздыхать и стонать, а спустя некоторое время немного успокоилась. А вечером всё началось снова, и её стон стал переходить в хриплый крик. Жена побежала к врачу и позвала её, она пришла, послушала её сердце и сказала, она уходит из жизни.

Жене, врач сказала: "крепитесь ей уже помочь нельзя".

В час ночи, 23 февраля 1995 года она ушла из жизни.

После смерти матери её увезли в специальное помещение. А моя жена осталась сидеть в кресле до утра, дожидаясь первого автобуса. Рано утром, ещё из больницы она мне позвонила и сказала, что мама умерла, и что похороны состоятся сегодня после обеда.

Я первым делом позвонил сыну, а затем моей младшей племяннице и сообщил им о смерти матери. Также я сказал им, что похороны будут ориентировочно после обеда, а точнее мы узнаем после посещения Хеврат Кадиша. Также я позвонил на работу и предупредил, что сегодня я не выйду на работу, так буду хоронить мать моей жены.

Мы вместе с сыном поехали в Хеврат Кадишу и оформили необходимые документы. Они сказали, что обработают и подготовят тело к захоронению и сами привезут его на кладбище. Похороны состоятся ровно в 14 часов, но нам надо там быть не позже 13 часов 30 минут.

Мы приехали на кладбище в назначенное время, нас было всего пять человек. Я с женой, сын с невесткой и моя младшая племянница, Света.

Мать, завёрнутая в простыню, лежала на катафалке в специальной комнате. Вскоре позвали жену, чтобы она опознала свою мать. Когда она подошла ей открыли лицо матери, она хотела поцеловать её в лоб, но ей не разрешили это сделать.

Через некоторое время двое работников кладбища вывезли катафалк с телом, а мы пять человек пошли за ними. Мы подошли к концу кладбища и остановились у самого забора. Там была уже готовая вырытая могила, а на дне уже лежала каменная плита. Мы все подошли к этой могиле и остановились.

Один из работников кладбища быстро прочитал молитву, а затем с помощью простынь опустили тело в могилу. Вставили все боковые плиты, а затем накрыли верхней плитой. Мы с сыном помогли засыпать могилу и сверху воткнули табличку с фамилией и именем матери, год рождения и смерти.

Работники кладбища ушли, а мы остались стоять и смотреть на свежий холмик земли, это всё, что осталось от матери.

Мы с сыном в марте 2007 года, обновили могилу матери моей жены Светы и её брата Вили. Мы добавили вертикальную гранитную плиту и горизонтальную плиту в память об отце, пропавшем во время войны с фашистами.

**Вверху:
Фотография
матери,
перед тем,
как её увезли
в больницу.**

**Внизу:
Фотография
обновлённой
могилы матери.**

Минут через 20-30, я обнял жену, успокоил её и предложил всем пройти к могиле моего отца, которая находилась совсем рядом. Отец мой умер в июне 1993 года, когда меня ещё не было в Израиле, и похоронила его моя младшая сестра Мальвина. Для того, чтобы попасть на могилу отца, надо было вернуться назад на 18-ый участок, и в седьмом ряду мы её без труда нашли. Мы зажгли свечку и вставили в фонарик, нашли ветошь, набрали воды и помыли могилу нашего любимого дедушки и отца. Затем по еврейской традиции положили на могилу камушки. Моя сестра со временем обновила могилу отца, заменила основную гранитную плиту и добавила гранитную плиту в память нашей матери, которая умерла в Молдавии, в январе 1988 года.

Фотография моего отца

Фотография его обновлённой могилы.

Итак, на кладбище в Хадере, похоронены два дорогих для нашей семьи человека. Семья моей сестры, мои племянницы, а также члены моей семьи, мы все стараемся приезжать часто на кладбище, чтобы отдать долг памяти нашим ушедшим родным и привить это чувство нашим внукам. И в конце этой главы, я хочу подчеркнуть, что кладбище в Хадере, одно из самых ухоженных и зелёных в Израиле, за что большое спасибо обслуживающему персоналу кладбища.

Глава 12. Поиски и покупка первой квартиры.

Живя в Израиле, первый год на съёмной квартире, мы с женой с первого дня считали, что это временный этап в нашей жизни, и мы обязательно после первого года должны вселиться в свою собственную квартиру.

Иначе и быть не могло, как это так приехать в свою страну и жить не в своей квартире. Мы, особенно не задумывались о нашем возрасте, будет ли у меня работа, правда, я был готов на любую работу.

Ведь, тогда о ренте, мы ещё понятия не имели. Но настолько велико было желание жить в собственной квартире, что мы решили рискнуть.

Особенно, мы стали думать о покупке квартиры, начиная с октября месяца, когда я устроился работать на завод "Амнир". Придя, домой после работы и, поужинав, мы с женой выходили на короткую прогулку, потому что надолго нельзя было оставлять мать одну. Рядом с нашей улицей были построены красивые, одноэтажные домики с гиной. Мы проходили мимо, любовались и по - доброму завидовали. И всё время разговор шёл о будущей нашей квартире. Мы недавно получили багаж со склада в Црифине, и полсалона был завален не распакованными коробками. Я спросил жену: "когда ты разберёшь коробки". Она ответила: "что пока ты не купишь мне квартиру, они будут стоять в собранном виде".

В один из выходных дней, где-то в середине октября, к нам в гости приехали наши давние друзья, Жанна и Миша Ливак, с которыми мы дружили ещё в Николаеве. Они прилетели в Израиль 25.09. 1994 года, то есть на пять месяцев позже нас. Они были совсем молодые олимпы, в то время, как мы уже считали себя опытными старожилками.

Мы посидели, поговорили о том, о сём, а затем мы рассказали им о нашей мечте купить собственную

квартиру. Они нас горячо подержали и сказали, что нет смысла платить чужому дяде, намного разумнее выплачивать свою квартиру.

Они рассказали нам, что их дочка Лена, которая приехала в Израиль раньше, чем они, торопила их приехать побыстрее, потому что она уже подобрала в Бат Яме неплохую квартиру, на две семьи, то есть для своей семьи и для родителей.

Когда Жанна и Миша прилетели, они поселились в четырёхкомнатной квартире, которую снимали дети с ещё одной семьёй. Это всё, потому, что съём в центре страны, а снимали они в Холоне, был очень дорогой. Сразу, через две недели после приезда, Миша устроился на работу дворником, во-первых, потому, что мы не понимали жизнь без работы, а во-вторых, хотелось сохранить корзину абсорбции, для покупки квартиры.

После я с ними совершил небольшую экскурсию по Бейт - Элейзеру. К вечеру, они вернулись к себе в Холон.

А мы с женой продолжали обдумывать вопрос, где купить нам квартиру. Одно мы понимали, что новая квартира нам не по зубам, поэтому искали квартиру со вторых рук.

Мы покупали побольше русскоязычных газет и жадно читали объявления про продажу квартир. Одновременно, мы искали квартиры недалеко от нас, считая, что здесь у меня есть, не бог весть какая, но всё- таки работа.

Однажды, в местной газете мы прочитали объявление, что на краю Хадеры со стороны Бейт-Элейзера, будут строить многоэтажные дома, на долгосрочный съём. В газете был указан адрес, куда надо явиться за разъяснениями, кто заинтересован в этом проекте. Мы с женой выбрали время, и пришли по указанному адресу. В кабинете сидела молодая женщина, говорящая на русском языке. Она разложила перед нами чертежи и планировки будущих квартир и сказала, выбирайте на свой вкус, но если вы становитесь членами нашего проекта, вы должны внести 4000 шекелей. Мы вам взамен даём гарантийное письмо, что это сумма пойдёт в счёт уплаты за будущий долгосрочный съём. Она ещё добавила, что строительство начнётся через

месяц, самое больше через полтора. Мы выбрали 3-х комнатную квартиру и попросили у неё планировку, чтобы взять её с собой домой. Она извинилась и сказала, что, к сожалению, остались только 2-х комнатные квартиры.

Мы посоветовались с женой и решили, так как нас три человека, в то время была ещё жива мать моей жены, мы отказались.

А потом мы подумали, что нам, вообще, не нужен никакой долгосрочный съём. А через неделю нам позвонила эта женщина и сказала, что она подобрала нам 3-х комнатную квартиру. Мы её поблагодарили и сказали, что передумали участвовать в этом проекте.

Через несколько месяцев мы узнали, что руководитель этого проекта сбежал за границу, а деньги многих людей пропали. Обманутые люди наняли адвоката и десятилетиями судятся, но всё напрасно. Это мы знаем, потому что наша хорошая знакомая, живущая сейчас в Кирьят-Яме, является одной из обманутых членов этого проекта.

После этого мы с женой решили съездить в Гиват Ольгу, хорошо, что это рядом с Хадерой. Впервые в жизни посмотреть на Средиземное море, во-вторых, посмотреть, что это за городок, в - третьих, если попадутся объявления на продажу квартир, поинтересоваться, что к чему.

Море понравилось, мы были просто восхищены необъятной гладью, и я даже искупался. Правда, сам пляж был не оборудован.

Сам городок произвёл не очень хорошее впечатление, но не надо забывать, что это было осенью 1994 года. На одном из домов мы заметили объявление о продаже квартиры, мы вошли и сумели объяснить, что мы интересуемся покупкой. Хозяйка показала все комнаты и службы, мы поблагодарили её и попрощались, потому что квартира нам не понравилась.

В конце октября в одной из русскоязычных газет мы прочитали объявление, что в Безр - Шеве продаётся 3-х комнатная квартира, на втором этаже совсем не дорого. Мы посоветовались с женой и пришли к выводу, что мне

стоит туда съездить, тем более, что с августа месяца там живёт моя сестра Милаша со своим мужем Даней.

В начале ноября я взял на два дня отпуск, на работе, на пятницу и воскресенье и поездом поехал в Беэр - Шеву. На вокзале меня встретили моя сестра с мужем и забрали меня к себе домой. Они мне показали свою большую квартиру, и мне очень понравилось у них.

Затем я показал им газету с объявлением, они сказали, что это неплохой район, а сама улица находится недалеко отсюда.

Даня добавил, что будет совсем неплохо, если вы переедете к нам:

"во - первых у нас сухой климат, а во вторых я смогу устроить тебя на работу к нам на фабрику". А работал Даня на швейной фабрике в Димоне, электриком.

На следующее утро я отправился по указанному адресу в газете, я быстро нашёл улицу, а затем и номер дома. Дом был 5-ти этажный, снаружи он выглядел неплохо. Я поднялся на второй этаж, нашёл нужную мне квартиру и постучал в дверь. Мне открыла пожилая женщина, я сказал, что пришёл, по объявлению, насчёт продажи квартиры. Она впустила меня в квартиру, предложила сесть и сказала, что у них произошла накладка. Исходя из сложившихся обстоятельств, они смогут продать свою квартиру только через полгода. Я ответил, что такой вариант меня совершенно, не устраивает. Попрощался с ней и ушёл.

По правде говоря, я не очень расстроился, потому что мой сын планировал покупать квартиру на севере Израиля, а жить далеко от него и внуков нам с женой не хотелось.

Я возвратился к сестре, Даня тоже был дома, так как это была суббота. Я им рассказал о своём разговоре с хозяйкой квартиры, и сказал им: "что я не расстроен и вы не переживайте, ведь главное, что я повидался с вами, посмотрел, как вы живёте".

Даня повозил нас по Беэр-Шеве на своей машине, а затем мы погуляли по парку. Воскресенье утром, сестра

проводила меня на поезд и я уехал домой.

В конце ноября, один мой знакомый рабочий с завода "Амнир," которого звали Женя предложил мне в одну из суббот съездить в новостроящийся посёлок Кацир. Он за месяц до этого купил старенькую машину, но она прилично ездил.

Работница, которая тоже работала на нашем заводе, уже жила целый год в этом посёлке. Она рассказала Жене, что там строится много деревянных домов, чем-то облицованные, по американскому проекту. Дома на земле, то есть с гиной, рассчитаны они на две семьи, то есть для родителей и детей.

И вот, в одну из суббот он заехал за мной. Поехали мы в сторону Афулы, а затем повернули вправо, и дорога повела нас в горы.

Наконец, мы добрались до этого посёлка, он находился на высоте, а вокруг пониже виднелись одни арабские сёла. На въезде в посёлок стоял шлагбаум, а рядом стояла будка, где находились двое охранников. Один из них подошёл к нам и спросил:

"кто мы такие, куда и зачем мы едем". - Мы сказали, кто мы такие и, что мы хотим посмотреть дома, которые здесь строятся. Он ответил, что сегодня суббота и никого нет, ни начальства, ни рабочих. Мы сказали, что нам пока и никто не нужен, мы просто хотим посмотреть, что это за дома, построенные по американскому проекту. Потом мы добавили, что у нас в этом посёлке живёт знакомая, которая работает вместе с нами и назвали её фамилию и имя. После этого охранник сказал:

"хорошо я вас пропускаю, поезжайте по левой стороне и в конце улицы, есть один готовый дом для примера".

Вокруг были камни разной величины, посреди камней были вырытые фундаменты, а в некоторых местах уже стояли стены. И вот, наконец, показался готовый дом. Дом, действительно, был деревянный, но чем-то облицованный. Сзади дома была небольшая гина, очищенная от камней, она была разделена заборчиком из камней на ровные две части. Дом состоял из

двух 3-х комнатных разделённых квартир со всеми необходимыми службами. Также было два отдельных входа с противоположных торцов дома.

Внутри квартиры было уютно, большой салон, две спальни и кухня. Стоимость одной квартиры 50.000\$.

После осмотра квартир и дома в целом, мы ещё заехали в гости к нашей знакомой по работе. Побывали мы у ней не долго, поговорили, как ей живётся в этом посёлке, и уехали домой.

Дома я позвонил сыну и рассказал ему об этом посёлке и американском проекте. Он подумал и сказал, что этот вариант ему не подходит. А нам с женой с её здоровьем и в нашем возрасте это тоже ни к чему.

В декабре, когда у нашей матери была уже метапелэт, нам сказали, что в Пардес Хане можно найти дешёвую и неплохую квартиру. И мы с женой решили туда съездить. У меня было несколько адресов из газет, я взял отгул на работе и мы поехали.

Мы нашли по указанному адресу одну из квартир, она была на третьем этаже 4-х этажного дома. Квартира из 3-х комнат, службы, как будто в порядке, но не понравилось, что на первом этаже находилась синагога и толпилась на улице масса народа.

Дальше мы решили зайти в маклерскую контору. Маклер нас повёз на своей машине и показал нам три квартиры. После осмотра этих квартир, мы поблагодарили маклера, взяли у него номер его телефона и сказали ему, что мы дома всё хорошо обдумаем и если надумаем, то обязательно ему позвоним. Говоря, по честному, ни одна из квартир нам не понравилась, да и сам город на нас не произвёл впечатления.

Где-то уже в новом 1995 году, в январе месяце я обратил внимание на объявление о продаже в газете "Новости недели". Там было написано, что в Кирьят-Хаиме (пригород Хайфы), продаётся 3-х комнатная квартира, на втором этаже, недалеко от берега моря и всего за 65.000\$.

Я ещё до приезда в Израиль, мечтал жить в зелёной Галилее, но обязательно на севере. Поэтому я искал в объявлениях следующие города: Нагарию, Маалот, Кирьят-Шмону и Цфат. Но мне не попались объявления на эти города, да я ещё много не понимал в то время. Мы посоветовались с женой и решили, что западная Галилея это тоже не плохо, а главное рядом с ласковым и тёплым морем.

Но тогда мы не знали и не понимали, что для жены будет тяжело переносить большую влажность, которая на берегу моря доходит до 70-75%.

В какой-то день, я позвонил по указанному в объявлении телефону и сказал: "что я заинтересован посмотреть их квартиру".

Мне ответила молодая женщина, и мы с ней договорились в какой день я приеду, чтобы кто-то из них был дома, а также она мне продиктовала точный свой адрес и как к ним добраться.

Я взял отгул на работе и поехал смотреть квартиру. Я сошёл с автобуса на перекрёстке, около восточного Кирьят-Хаима, а для того, чтобы попасть в западную часть, я пересел на городской автобус. Я сошёл на последней остановке, на улице Дгания, как мне сказали.

Прямо напротив остановки, но в глубине двора находился нужный мне дом. Но я решил сначала пойти посмотреть на море и как оборудован берег и пляж. Есть ли на берегу спасатели, душевые, столики и скамейки. Я был в восторге от моря и пляжа. По берегу гуляли люди разных возрастов, а недалеко от кромки моря играли и резвились дети. За столиками сидели мужчины и играли в шахматы, домино, карты.

Как не было хорошо на берегу моря, но я понял, что пора пойти посмотреть квартиру, ради которой я сюда и приехал. Это был четвёртый дом от берега моря, но второй дом от улицы.

Я подошёл к дому, обошёл его со всех сторон и честно вам признаюсь, что сначала я подумал, может не стоит заходить в квартиру.

Это был дом постройки 60-х годов, снаружи он выглядел очень неважно, кое-где на стенах облезла штукатурка, висели трубы, которые выходили из квартир.

Дом, в котором мы купили 3-х комнатную квартиру, в левом подъезде на втором этаже.

В общем, впечатление от наружного вида дома было совсем не такое, как впечатление от моря и пляжа. Но подумав, немного, я решил, что раз обещал приехать и люди из-за меня ушли с работы, чтобы показать мне квартиру, надо подняться на второй этаж и зайти в квартиру.

Когда я зашёл, меня приветливо встретила молодая пара. Они меня провели по всей квартире, показали все службы и сказали, что кое- что они оставляют из мебели и электротоваров, а остальное продадут нам, если мы пожелаем купить.

И тут я должен признаться, что сама квартира произвела на меня очень хорошее впечатление. Очень уютная со вкусом обставленная, но, правда, небольшая. Квартира состояла из трёх комнат общей площадью 45 кв. м, маленький салон-10 кв. м, две спальни, одна-11 кв. м,

вторая-9 кв. м, закрытый балкон и маленькая комната для стиральной машины, ванная и туалет отдельные.

И самое главное, окно большей спальни выходило на море. Это получалось, потому что дом был, выдвинут и впереди спальни, не было домов. И я себе представил, что я буду засыпать под шум морских волн.

Для жены я всё зарисовал, то есть сделал планировку и даже записал, какие стены и полы. То есть находясь, внутри квартиры я поменял свое мнение и пришёл к мнению, что в принципе эту квартиру можно покупать.

В конце концов, мы уселись за стол и начали говорить о цене. Они мне сказали, что я знаю их цену из объявления мол, меньше не будет. Я им начал возражать, что дом снаружи выглядит отвратительно, что в торце дома расположен пустырь, а метров за 70-80 какие-то огромные баки, возможно с нефтью.

Я им ещё добавил, что в такой дом будет стыдно пригласить друзей в гости. Они мне ответили, что в баках не нефть, а вода, а насчёт наружного вида дома, так через год, самое большее через два, будет ремонт всех домов, которые расположены рядом с морем.

Я им предложил вместо запрошенных ими 65.000\$, сумму в 60.000\$. Они мне ответили, что не согласны со мной, и они не уступят даже 10\$, они посоветовали мне поинтересоваться ценами в крайотах на данное время.

Я не постеснялся и спросил их, а за сколько вы купили эту квартиру и когда. Мы купили эту квартиру в 1990 году за 40.000\$, когда приехали из Белоруссии. Сейчас в связи с тем, что у нас родится второй ребёнок, и мы оба работаем, мы можем себе позволить улучшить наши квартирные условия. После того, когда мы продадим эту квартиру, мы собираемся купить большую квартиру в Кирьят-Яме, которая будет стоить в три раза дороже суммы, которую мы просим за эту квартиру.

Я дал им свой телефон и сказал им, что если, кто-то

из нас, что-то надумает, мы созвонимся. После этого я с ними попрощался и ушёл.

Я от них ушёл в 12 часов дня, поэтому решил навестить своего дядю, который купил квартиру в Кирьят-Яме. Он узнал от моей сестры мой телефон и сразу позвонил мне, поздравил меня с приездом в Израиль, и добавил, что если я буду в крайотах, чтобы я обязательно зашёл к нему в гости. В конце разговора он мне продиктовал свой телефон и подробный адрес. Поэтому я без проблем добрался до его дома.

Вся его семья встретила меня очень радушно, меня сразу усадили за стол и накормили вкусным обедом. Во время обеда и после я сказал, что мне нужен его совет и рассказал ему подробно о моём впечатлении и результатах моего визита в квартиру по объявлению.

Внимательно, выслушав меня, он спросил: "если не секрет на какую сумму ты рассчитываешь?" - С учётом 2-х машинок, моей семьи и моей тётки, я могу рассчитывать на сумму в 60.000\$.

Хорошо, быстро собирайся, и пока светло поехали со мной".

Я попрощался с семьёй, и мы вдвоём вышли и недалеко от дома сели на автобус, который довёз нас до главной улицы Моше Шарет.

Когда мы сошли с автобуса, он мне объяснил, что на этой улице находятся в основном все маклерские конторы города. Мы с ним посетили три конторы и везде он задавал один и тот же вопрос: "у вас есть 3-х комнатная квартира стоимостью в 60.000\$?" - и везде мы получали ответ, в данное время таких квартир нет. Правда, в одной конторе маклер сказал, что такая квартира у него имеется, и просят за неё 62.000\$, но она полностью разбитая, в ней года три никто не жил. Конечно, мы на эту квартиру не согласились.

Стало темнеть, и некоторые конторы уже были закрыты,

мы ещё рассматривали объявления на витринах контор, но самые низкие цены, которые мы встречали, это было 75.000\$.

И тут мой дядя, Яша Койфман говорит: "ты знаешь давать советы по покупке квартиры дело не простое и не благодарное, но сейчас январь 1995 года и цены на квартиры ещё не успели упасть".

После нашего путешествия по маклерским конторам, ты можешь более реально оценить ту квартиру, которую смотрел. Я его поблагодарил от всей души, за то, что он потратил на меня столько времени и обещал в дальнейшем держать его в курсе дела по покупке квартиры.

Поздно вечером я добрался домой и обо всём рассказал жене.

Через несколько дней мы с женой зашли в наш банк, чтобы проконсультироваться, что нас ждёт в случае покупки квартиры. Нас приняла русскоязычная сотрудница банка "Апоалим", звали её Оля, она сказала: "что, несмотря на ваш возраст вы сможете получить две машканы, при наличии генерального гаранта и трёх обычных, но работающих, гарантов. Но вы, то есть я должен представить свои маскореты, чтобы банк мог убедиться, что я работаю".

Другие квартиры, которые нам бы подошли и заинтересовали бы нас, больше не попадались. А май месяц, когда у нас заканчивался съём, неумолимо приближался, а ведь мы поставили себе задачу, до конца съёма, переселится в свою собственную квартиру.

С момента посещения мной квартиры в Кирьят-Хаиме, прошло уже более 2-х недель, и я решил проявить инициативу и позвонить им. Как-то вечером я им позвонил и спросил: "ну что ребята вы надумали немного снизить цену" - и в ответ услышал:

"нет, дорогой мы за это время нашли покупателя,

который согласен нам дать ту цену, которую мы запросили".- Полностью подавленный я положил трубку.

Жизнь продолжалась, я каждое утро уходил на работу, а жена оставалась с матерью, она в последнее время стала плохо себя чувствовать.

И, вот однажды, вечером, когда я уже вернулся с работы, раздался телефонный звонок. Я взял трубку и услышал: "это говорит Анатолий и Елена с Кирьят - Хаима, наша квартира ещё актуальна для вас". - Я ответил, что да и у нас серьёзные намерения. Он рассказал, что тот покупатель их подвёл, и они согласны понизить нам цену на 1000\$.

Я позвонил жене, мы посоветовались, и я ему ответил, что окончательно мы согласны заплатить 63.000\$ и с обязательным условием, что 20.05.1995 года мы должны въехать в купленную квартиру. Они согласились, но они попросили, что если они не успеют вселиться в свою квартиру, то они перейдут на время жить к родителям. Но, чтобы некоторые вещи остались временно у нас.

Потом мы договорились, что договор мы составим и подпишем в первой декаде февраля в Хадере, у нашего адвоката. Так как у них уже была своя машина, они и на это согласились, а может быть для того, чтобы моя жена до подписания договора не увидела внешний вид дома.

Мы позвонили сыну и рассказали ему, что вскоре собираемся подписать договор на покупку квартиры. Он захотел до подписания договора посмотреть эту квартиру. В один из последних дней января, он приехал к нам, и мы поехали в Кирьят-Хаим.

Берег моря и само море, да и квартира внутри ему понравились точно так же, как и мне. А вот вид дома снаружи, немного огорчил его. Но я пытался объяснить ему, что дом снаружи можно отремонтировать и за такие деньги, которые мы заплатим в данное время, не очень разбежишься. Он, со мной молча, согласился.

В доме, где мы снимали квартиру, наши соседи, узнав, что мы покупаем квартиру, не одобрили наш поступок и каждый по - разному. Так соседка израильянка, репатриировавшаяся из Чехословакии, сказала моему сыну, когда он был у нас в гостях, что мы не правильно выбрали район. В западном Кирьят-Хаиме, недалеко от моря есть школа для недоразвитых детей и там её дочка работает учительницей. Так вот она говорит, что в том районе живут в основном беднота, наркоманы и в последнее время олимпы.

А другая соседка слева от нас говорила, как в таком возрасте можно позволять себе покупать квартиру, чем они потом будут выплачивать её. Но мы шли, к поставленной цели, не прислушиваясь никому.

По совету знакомых мы обратились к адвокату Олеку Шафиру, офис которого располагался в Хадере, улица Герцль 19. Мы позвонили нашим продавцам, и они приехали в Хадеру, в офис адвоката и 08.02.1995 года был составлен договор между ними и нами. После подписания договора обоими сторонами мы в присутствии адвоката вручили продавцам задаток в сумме 18.000ш. что составляло на то время 6.000\$. Также в присутствии адвоката продавцы написали нам расписку о получении данной суммы и расписались.

Вторую более весомую сумму в 45.000\$. мы должны будем выплатить нашим продавцам не позднее 10.04.1995 года. А оставшуюся сумму на более позднем этапе и под ключевые.

В этом договоре было 16 пунктов, я их все перечислять не буду, хочу только отметить, что в договоре отдельным пунктом было записано, что квартира должна быть освобождена от всех вещей продавца до 20.05.1995 года, и за каждый просроченный день продавец будет выплачивать покупателю по 25\$.

После подписания договора мы пошли в наш банк, чтобы оформить машканы на нашу семью и на мать моей жены.

Мы обратились к нашей уже знакомой сотруднице Оле, показали ей подписанный договор на покупку нами квартиры. Она нас любезно приняла, объяснила нам порядок выдачи машканты, а также написала на бумажке список дополнительных документов, которые мы обязаны предоставить в банк.

В конце беседы она сказала, что в данное время банк "Апоалим", выдаёт на семью машканту в сумме 97.000 шекелей, а на вашу маму- 40.000 шекелей. Но для вашего возраста нужен генеральный гарант и три работающих гаранта. Генеральным гарантом пошёл наш сын Койфман Александр, вторым гарантом была моя сестра Мальвина Рейдер, третьим гарантом был мой молодой друг по работе на заводе "Амнир" Олег Бунин, а вот четвёртого гаранта у нас не было.

Мы пришли в банк и говорим сотруднице, у нас не хватает четвёртого гаранта, вместе с генеральным гарантом, у нас их три. Ничем не могу вам помочь, обязательно нужен четвёртый. Но где же его искать, если его нет, а вы спросите у других людей, где они находят гарантов.

Я понял намёк и пошёл в маклерскую контору и сказал, что мне нужен гарант для покупки квартиры. Они внимательно на меня посмотрели и сказали, гарант у тебя будет, но это тебе будет стоить 500 шекелей. Я сказал, что я согласен и в назначенный день и час к банку подошёл мужчина, средних лет, и мы вместе с ним вошли в банк. Там он подписал все необходимые документы и спокойно ушёл, даже не попрощавшись со мной.

Как вы уже знаете из предыдущей главы, что 23.02. 1995 года умерла мать моей жены. Из наших разговоров об этом узнали наши продавцы, они рассказали об этом нашему адвокату, а он сообщил о смерти матери в банк. Из банка нам позвонили и сказали, что мы должны явиться в банк. Когда мы пришли в банк, сотрудница Оля, которая оформляла нам все документы, сказала: "что

они узнали о смерти матери и поэтому были вынуждены аннулировать её машканту. Но вы не огорчайтесь, мы дадим вам ссуду на 40.000 шекелей под 4,8%", забыл написать, что машканта взята под 4%.

Никуда не денешься, пришлось взять эту ссуду. Ещё одно событие, которое заставило нас поволноваться. Это в марте месяце началась забастовка банковских служащих. В прошлой жизни мы понятия не имели о забастовках, нам говорили, что через неделю эта комедия закончится, но неделя сменялась другой неделей, а забастовка продолжалась.

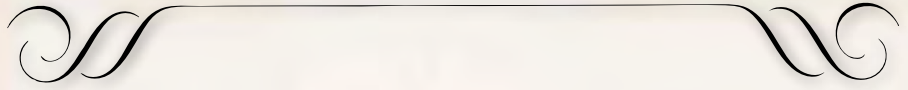
Дело в том, что документы работники банка оформляли, а вот перевод денег не производили. А нам ведь по договору, 10.04.1995 года, мы должны были перевести нашим продавцам первую крупную сумму. В случае опоздания, мы должны были согласно условиям договора, выплатить нашим продавцам крупные штрафные санкции.

Можете себе представить наше состояние, когда в первых числах апреля забастовка продолжалась, несмотря на недовольство клиентов банка.

Но к нашему счастью, 8 апреля забастовка, наконец, закончилась, и первый перевод денег был осуществлён во время.

Второй перевод денег мы осуществили 16 апреля, а дальше процесс пошёл гладко без особых переживаний.

И вот 26.04. 1995 года закончился первый год нашего пребывания в Израиле. И так, как я обещал в начале, я должен закончить свою работу, но я хочу добавить, что через месяц мы вселились в свою квартиру, и какая она не была, это всё- таки, своя первая квартира в своей стране. В этой квартире, в Кирьят-Хаиме, мы прожили, почти 10 лет.

Вместо эпилога.

Семья моего сына, после выхода из кибуца, купила квартиру в июне 1996 года в городке Шломи. Этот маленький городок, находится на севере Израиля, на границе с Ливаном. А, 1.11.1999 года у них родилась девочка, которую они назвали Даночкой.

В ноябре 2004 года из-за проблем со здоровьем жены, которая очень тяжело переносила влажность, и для того, чтобы быть поближе к сыну, нам пришлось переехать жить в уютный, зелёный городок Маалот, с прекрасным климатом, на севере страны.

Здесь мы купили маленькую, но симпатичную квартиру (2,5 комн.), на втором этаже, в новом районе "Рабин".

Добротный, 3-х этажный дом на шесть квартир. Вокруг дома красивая гина, за которой я ухаживаю, по мере своих сил.

После полутора лет жизни в Маалоте, мы вместе со всеми его жителями, пережили вторую ливанскую войну, которая началась в июле 2006 года, когда на Маалот и его окрестности упало не менее 400 ракет. А семья моего сына в это время жила в Шломи, так, что им тоже досталось сполна, но через месяц этот кошмар закончился.

Жизнь продолжалась, дети работали, а внуки учились.

В марте 2007 года моей жене Светлане исполнилось 70 лет. Дети решили устроить нам праздник и отметить это событие в ресторане, в Нагариин. В ресторане и после него, мы фотографировались на память об этом дне. Вместе с нами и детьми, был ещё брат моей жены со своей подругой Инной. Вот она нас и сфотографировала.

**Справа налево:
Семён Койфман, моя жена Света, наш сын Саша,
невестка Элла, наш старший внук Рома, брат моей
жены Виля, впереди стоит наша младшая внучка
Даночка.**

Эта фотография сделана 14 марта 2007 года, когда моей жене исполнилось ровно 70 лет.

С тех пор прошло более пяти с половиной лет, мы с женой заметно постарели, дети в июле 2008 года купили дом в Кфар -Врадиме.

Самое главное, что наша младшая внучка, которой в ноябре 2011 года исполнилось 12 лет, отпраздновала бат-мицву, а старший внук Рома, которому в кибуце, как вы помните, праздновали первый день рождения в Израиле, ему тогда исполнилось четыре годика.

В этом году в конце июня 2012 года он демобилизовался, после того, как отслужил три года в боевых частях.

Несмотря ни на что, мы живём на своей древней земле, пока наши дети и внуки готовы её защищать.

שמונשים בטינים ОБИХОДНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

אם ירצה השם Бог даст...
 ברוך השם! Слава Богу!
 אלהים ישמר! Боже сохрани!
 בעזרת השם! С Божьей помощью!
 תל ואי ש-! Дай Бог! (то бы...!)
 חס וחלילה! חס ושלום! Не дай Бог!
 לך לשלום! לך לך! Иди с миром!

שלום! → וברכה! Здравствуй (те).
 בוקר טוב! → בקר אור! Доброе утро!
 צהריים טובים! Добрый день!
 ערב טוב! Добрый вечер!
 שבת שלום! Добрый субботы!
 שבוע טוב! Хорошей недели!
 להתראות! До свидания.
 כל טוב! Всего хорошего!

זכרונו לברכה / זכרונה / זכרונה! блаженной памяти

דרישת שלום ל- (ד"ש) Привет...
 לילה טוב! Спокойной ночи!
 נסיעה טובה! Добраго пути!
 ברוכים הבאים! Добро пожаловать!
 ברוך הנמצא! (ответ)
 סליחה! סלח לי! Извини

לדגמה / לדגמה / לדגמה! например
 תאר לעצמך / תאר לעצמך / תאר לעצמך! представь себе
 שים לב, ש'מד לב / שים לב, ש'מד לב / שים לב, ש'מד לב! обрати(те) внимание по моему мнению

אני מצטער! / אני מצטער! / אני מצטער! Сожалею
 בבקשה! / בבקשה! / בבקשה! Пожалуйста
 אין בעיה! / אין בעיה! / אין בעיה! Нет проблем!
 מסדר / מסדר / מסדר! Хорошо. Всё в порядке.

נדמה לי, נראה לי / נדמה לי, נראה לי / נדמה לי, נראה לי! Мне кажется
 נא לעזרי לי! / נא לעזרי לי! / נא לעזרי לי! Помогите мне, пожалуйста!

אין לי חשק, לא מא לי / אין לי חשק, לא מא לי / אין לי חשק, לא מא לי! Мне не хочется, неохота
 אין אופק לא / אין אופק לא / אין אופק לא! Ни в коем случае

לא יכול להיות! / לא יכול להיות! / לא יכול להיות! Не может быть!
 מה יהיה מה שיהיה! / מה יהיה מה שיהיה! / מה יהיה מה שיהיה! Будь, что будет!
 בשעה טובה! / בשעה טובה! / בשעה טובה! В добрый час!

אין לי / אין לי / אין לי! Нет у меня
 יש לי / יש לי / יש לי! есть у меня
 אין לי / אין לי / אין לי! нет у меня
 יש לי / יש לי / יש לי! ему везет

אין לי / אין לי / אין לי! нет у меня
 יש לי / יש לי / יש לי! ему везет
 יש לי / יש לי / יש לי! мне весело
 יש לי / יש לי / יש לי! мне грустно

אין לי / אין לי / אין לי! Мне ясно
 קר לי / קר לי / קר לי! мне холодно
 חם לי / חם לי / חם לי! мне жарко
 טוב לי / טוב לי / טוב לי! мне хорошо

אין לי / אין לי / אין לי! Мне ясно
 קר לי / קר לי / קר לי! мне холодно
 חם לי / חם לי / חם לי! мне жарко
 טוב לי / טוב לי / טוב לי! мне хорошо

אין לי / אין לי / אין לי! мне плохо
 אסור לי / אסור לי / אסור לי! мне нельзя
 מותר לי / מותר לי / מותר לי! мне можно
 נמאס לי / נמאס לי / נמאס לי! мне надоело

אין לי / אין לי / אין לי! мне плохо
 אסור לי / אסור לי / אסור לי! мне нельзя
 מותר לי / מותר לי / מותר לי! мне можно
 נמאס לי / נמאס לי / נמאס לי! мне надоело

אין לי / אין לי / אין לי! мне не хватает
 אף קפת לי / אף קפת לי / אף קפת לי! меня касается
 לא אף קפת לי / לא אף קפת לי / לא אף קפת לי! меня не касается
 משאר לי / משאר לי / משאר לי! у меня осталось

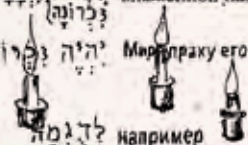
אין לי / אין לי / אין לי! мне не хватает
 אף קפת לי / אף קפת לי / אף קפת לי! меня касается
 לא אף קפת לי / לא אף קפת לי / לא אף קפת לי! меня не касается
 משאר לי / משאר לי / משאר לי! у меня осталось

צ'ר לי (מא'ד) / צ'ר לי (מא'ד) / צ'ר לי (מא'ד)! Мне(очень)жаль.
 אוי נאבויו / אוי נאבויו / אוי נאבויו! О горе!
 זוהי ממש צרה / זוהי ממש צרה / זוהי ממש צרה! Это просто беда

אני אוהב אותך / אני אוהב אותך / אני אוהב אותך! (женщине)
 אני אוהבת אותך / אני אוהבת אותך / אני אוהבת אותך! (мужчине)
 ישרי / ישרי / ישרי! Дорогой
 נשירי / נשירי / נשירי! Дорогая
 אף קפת לי / אף קפת לי / אף קפת לי! Знакомьтесь!
 תידד! / תידד! / תידד! Ура!
 כל תפבו! / כל תפבו! / כל תפבו! Bravo! Молодец!

לא עלינו / לא עלינו / לא עלינו! Не про нас буде сказано
 נתראה בשמחות! / נתראה בשמחות! / נתראה בשמחות! Да будет нам добрый повод для встречи!
 נצפה במצוות! / נצפה במצוות! / נצפה במצוות! Да сопутствует нам удача.

תתחדש! / תתחדש! / תתחדש! Носи на здоровье!
 בלוי נעים! / בלוי נעים! / בלוי נעים! Желаю приятно провести время!
 געשו היים! / געשו היים! / געשו היים! Оттанийтесь как следует!

Перевод слов с иврита на русский язык.

- **Ульпан** – класс для изучения иврита.
- **Гина** – садик возле дома.
- **Олим** – репатриант в Израиле.
- **Мэарат а Махпела** – пещера праотцев.
- **Сохнут** – еврейское агентство.
- **Эль- Аль** – израильская национальная авиакомпания.
- **Теудат Оле** – свидетельство репатрианта.
- **Тивух** – маклер, посредник.
- **Купат - Холим** – поликлиника.
- **Ирия** – муниципалитет.
- **Фалафель** – израильское блюдо.
- **Пита** – хлебная лепёшка.
- **Сефард** – восточный еврей.
- **Ашкеназ** – европейский еврей.
- **Пардес** – сад.
- **Шаот носафот** – сверхурочные.

- **Картис хавер** – членская карточка.
- **Теудат Зеут** – удостоверение личности.
- **Йюд** – буква израильского алфавита, й.
- **Каблан** – подрядчик работ.
- **Коах адам** – контора по трудоустройству.
- **Мадрегот** – ступени на лестничной клетке.
- **Кум бзэйрут, ата иванта оти** – поднимайся осторожно, ты понял меня.
- **Иванта** – понял.
- **Никайон** – уборка, мытьё полов, стёкол и. т. п.
- **Тлуш маскорэт** – расчётный лист.
- **Мисрад** – контора, кабинет, бюро, министерство.
- **Ишур** – справка, разрешение.
- **Алэф** – первая буква израильского алфавита, а.
- **Кнессет** – израильский парламент.
- **Миштара** – израильская полиция.
- **Кибуц** – израильское коллективное хозяйство.
- **Кибуцник** – член коллективного хозяйства.
- **Маадон** – клуб.

- **Мазал тов** – на счастье.
- **Цахал** – армия обороны Израиля.
- **Улам** – зал для торжеств.
- **Пицуим** – компенсация.
- **Машканта** – ипотечная ссуда.
- **Гиюр** – переход в еврейство.
- **Мэнаэль** – руководитель, начальник.
- **Алия** – репатриация в Израиль.
- **Картис** – карточка.
- **Галиль** – барабан.
- **Ватик** – старожил.
- **Мэтапелэт** – помощница, которая ухаживает за стариками.
- **Битуах Леуми** – национальное страхование.
- **Хеврат Кадиша** – религиозная компания по похоронам.
- **Крайоты** – города, расположенные близко к Хайфе.

Маалот, 5.01.2013г.

